

МИД

МИНИСТРЫ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КРЕМЛЯ

Внешняя политика России:
от Ленина и Троцкого —
до Путина и Медведева

A portrait of Leonid Mlechin, a man with light hair, wearing a dark suit, white shirt, and a pink patterned tie. He is looking directly at the camera with a neutral expression.

Леонид

МЛЕЧИН

Леонид Млечин

**МИД. Министры иностранных
дел. Внешняя политика
России: от Ленина и Троцкого
– до Путина и Медведева**

«Центрполиграф»

2011

Млечин Л. М.

МИД. Министры иностранных дел. Внешняя политика России: от Ленина и Троцкого – до Путина и Медведева / Л. М. Млечин — «Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-227-03131-0

История внешней политики Советского Союза и России воссоздана автором в портретах наркомов и министров иностранных дел. Эта книга – прежде всего четырнадцать биографий знаменитых на весь мир людей, чья личность оказывала решающее влияние на разработку внешнеполитической стратегии государства. Вместе с тем Л. Млечин показывает: министры меняются, а некоторые традиции дипломатии, заложенные сразу после революции, сохраняются. Книга Л. Млечина посвящена не только внешней политике и дипломатии. Это еще один взгляд на судьбу нашей страны с 1917 года по сей день.

ISBN 978-5-227-03131-0

© Млечин Л. М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Глава 1	7
ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ	8
«ПУСТЬ БЕРЕТ ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА»	12
ПОЧЕМУ ОН УЕХАЛ ИЗ БРЕСТА?	21
ПОЧЕМУ ТРОЦКИЙ НЕ ПОДПИСАЛ МИР С НЕМЦАМИ?	23
ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ	26
«ПРОШУ ДАТЬ МНЕ ОТПУСК»	27
ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА	30
СОН В МЕКСИКАНСКУЮ НОЧЬ	34
Глава 2	38
ДУШЕВНЫЙ УПАДОК И УВЛЕЧЕНИЕ МИСТИКОЙ	39
РЕВОЛЮЦИЯ НА МАМИНЫ ДЕНЬГИ	44
ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ	45
ТОВАРИЩ ТОВАРИЩУ ВОЛК	47
ДИПЛОМАТЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ	49
ШИФРЫ И ШИФРОВАЛЬЩИКИ	51
«НАМ ВЫГОДНО СОРВАТЬ КОНФЕРЕНЦИЮ»	54
«ОНИ РАЗВАЛИВАЮТСЯ, МЫ КРЕПНЕМ»	56
«УЧИСЬ У НЕМЦЕВ!»	59
НЕМЕЦКОЕ ОРУЖИЕ СОЗДАВАЛОСЬ В РОССИИ	60
«ПОДВЕСТИ ПОД РАССТРЕЛ ЧЕКИСТСКУЮ СВОЛОЧЬ»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Леонид Михайлович Млечин

МИД. Министры иностранных дел.

Внешняя политика России. От Ленина и Троцкого – до Путина и Медведева

Предисловие

Сергей Викторович Лавров – всего лишь четырнадцатый министр иностранных дел с октября 1917 года. Для сравнения: и министров внутренних дел, и руководителей госбезопасности за эти десятилетия сменилось больше двадцати.

Среди министров-дипломатов было три академика (Евгений Примаков, Вячеслав Молотов и Андрей Вышинский) и один член-корреспондент Академии наук (Дмитрий Шепилов). Были блистательно образованные люди и те, кто вовсе не знал иностранных языков и до назначения министром почти не бывал за границей. Двое из них дважды занимали свой пост – Вячеслав Молотов и Эдуард Шеварднадзе. Самое короткое время министрами были Борис Панкин – меньше трех месяцев, Лев Троцкий – пять месяцев и Дмитрий Шепилов – восемь с половиной месяцев. Дольше всех Андрей Громыко – двадцать восемь лет.

Трое длительное время были исключены из истории дипломатии: это Троцкий, Вышинский и Шепилов. Четвертого – Молотова – одни с проклятиями вычеркивали из истории, другие триумфально возвращали.

Сэр Генри Уоттон, британский поэт и дипломат, в 1604 году написал на форзаце книги свое определение дипломата, которое получило широкое распространение: «Добропорядочный человек, посланный за границу, чтобы лгать от имени своей страны». Это определение превращает дипломата всего лишь в исполнителя.

Все министры уверяют, что разработка внешней политики – прерогатива первого лица, что они лишь исполняют волю генерального секретаря или президента. Но это лукавство. На формирование политики личность министра оказывает решающее влияние. Молотов привнес в политику догматизм и упрямство, которых не было у Сталина. Шеварднадзе шел дальше Горбачева в партнерстве с Западом. При одном и том же президенте Ельцине Козырев пытался сделать Россию союзником Запада, а Примаков отказался от этой линии.

Эдуард Шеварднадзе перестал быть министром, потому что исчезло само государство – Советский Союз. Дмитрий Шепилов ушел с поста министра на повышение – секретарем ЦК. Андрей Громыко ненадолго занял высокую, но безвластную должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. Евгений Примаков под аплодисменты Государственной думы переместился с поста министра прямо в кресло главы правительства. Обратный путь проделал Молотов: он с поста председателя Совета министров переехал в Министерство иностранных дел.

Одиннадцать из четырнадцати министров подвергались жесткой критике: одни – еще находясь при должности, остальные – после отставки или даже после смерти. Некоторых из них проклинают как монстров и демонов и по сей день. Исключение – Евгений Примаков. Он на посту министра обрел еще больше сторонников и поклонников.

Из четырнадцати наркомов и министров восемь были отправлены в отставку или ушли сами по причине недовольства их работой. У хозяев ведомства внутренних дел судьба пострашнее – шестерых расстреляли, двое покончили с собой; из руководителей Лубянки расстреляли пятерых, другие попали в тюрьму или в опалу. Министров иностранных дел Бог

миловал. Даже Максима Литвинова, жизнь которого висела на волоске, Сталин почему-то не уничтожил.

Сегодня жизнь стала проще. Ушедший с поста министра (явно не по собственному желанию) Игорь Иванов остается заметной фигурой. Но в определенном смысле всем героям этой книги можно посочувствовать.

Знаменитый историк Евгений Викторович Тарле навел однажды не менее знаменитого юриста Анатолия Федоровича Кони. Кони жаловался на старость. Тарле сказал:

– Что вы, Анатолий Федорович, грех вам жаловаться. Вон Бриан старше вас, а все еще охотится на тигров.

Аристид Бриан в XIX веке был премьер-министром Франции и министром иностранных дел.

– Да, – меланхолически ответил Кони, – ему хорошо. Бриан охотится на тигров, а здесь тигры охотятся на нас.

Читатель быстро увидит, что эта книга посвящена не только наркомам и министрам иностранных дел, внешней политике и дипломатии. Это еще один взгляд на историю нашей страны с 1917 года и по сей день...

Часть первая

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 1

ЛЕВ ДАВИДОВИЧ ТРОЦКИЙ: «РЕВОЛЮЦИИ НЕ НУЖНА ДИПЛОМАТИЯ»

В одно из октябрьских воскресений 1923 года председатель Реввоенсовета республики, народный комиссар по военным и морским делам, член политбюро Лев Давидович Троцкий поехал на охоту, сильно промочил ноги и простудился.

«Я слег, – писал он в автобиографической книге. – После инфлюэнцы открылась какая-то криптогенная температура. Врачи запретили вставать с постели. Так что я пролежал остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 года против «троцкизма». Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку».

Болезнь действительно оказалась роковой. На столь печально окончившуюся для него охоту Троцкий отправился в роли второго человека в стране, чья популярность была сравнима с ленинской. Когда он через несколько месяцев поправится, то обнаружит, что превратился в гонимого оппозиционера, лишённого власти и окружённого непримиримыми врагами. И все это, по мнению Троцкого, произошло оттого, что неизвестная болезнь выбила его из колеи.

Врачи прописали председателю Реввоенсовета постельный режим, и он старательно лечился. Пока партийный аппарат поднимали на борьбу с «троцкизмом», Лев Давидович находился в подмосковном санатории и, занятый своей болезнью, плохо понимал, какие перемены происходят в стране. Ну что, в самом деле, можно требовать от человека, которого измучила высокая температура, который вынужден ограничивать свое общение кругом кремлевских врачей?

Нетрудно, впрочем, заметить разительный контраст между Троцким и Лениным: уже смертельно больной, Владимир Ильич, несмотря на строжайшие запреты врачей, пытался участвовать в политической жизни страны и влиять на нее. Троцкий же, заболев, решительно отдаляется от всех дел, размышляет, вспоминает, пишет. Ленин рвется к делу. Троцкий охотно принимает рекомендации врачей: отдыхать и лечиться.

Большевистские лидеры, компенсируя трудности и неудобства былой жизни, быстро освоили преимущества своего нового положения. Они лечились за границей, в основном в Германии, ездили в санатории, уходили в длительный отпуск. И не спорили, когда врачи, тонко чувствовавшие настроения своих высокопоставленных пациентов, предписывали им отдых в комфортных условиях.

Врачи, лечившие Троцкого, так и не могли поставить окончательный диагноз его болезни, но настоятельно посоветовали ему отправиться на южный курорт до полного выздоровления. 8 января 1924 года в «Правде» появился бюллетень о состоянии здоровья Троцкого, подписанный шестью врачами. Они считали, что ему нужно предоставить отпуск не меньше чем на два месяца и отправить на лечение на Кавказ. Политбюро с удовольствием предоставляет ему отпуск. Глаза бы их его не видели в Москве...

Лев Давидович не стал спорить с медициной и отправился на юг, в солнечную Абхазию.

«Шифрованная телеграмма о смерти Ленина застала нас с женой на вокзале в Тифлисе, – вспоминал потом Троцкий. – Я сейчас же послал в Кремль по прямому проводу шифрованную записку: «Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?» Ответ прибыл из Москвы примерно через час: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум. Сталин». Требовать отложения похорон ради меня одного я считал невозможным. Только в Сухуме, лежа под одеялами на веранде санатория, я узнал, что похороны были перенесены на воскресенье».

Троцкий был уверен, что Сталин сознательно его обманул: не хотел, чтобы Лев Давидович присутствовал на похоронах. Троцкий, с его склонностью к внешним эффектам и ораторским даром, у гроба Ленина казался бы очевидным наследником. А в его отсутствие в верности ленинским идеям клялся Сталин.

Но разве Троцкий не должен был сам сообразить, что ему следует немедленно возвращаться? И не только для того, чтобы участвовать в дележе власти. Смерть Ленина стала серьезным потрясением для страны. В такую минуту председатель Реввоенсовета и член политбюро Троцкий не мог не быть в Москве. Если бы он не успевал доехать поездом, его бы доставили в столицу на аэроплане. Вместо этого он преспокойно отправляется в санаторий.

В Сухуми Лев Давидович целыми днями лежал на балконе лицом к солнцу, смотрел на море и пальмы и вспоминал свои встречи с Лениным, думая о том, какую книгу о революции ему следует написать. А в Москве тем временем формировалось новое руководство, которое твердо решило прежде всего избавиться от опасного соперника – Льва Троцкого.

«Меня не раз спрашивали, спрашивают иногда и сейчас: как вы могли потерять власть?» – так начинается Троцкий одну из глав своих воспоминаний. И раздраженно отвечает: «Чаще всего за этим вопросом скрывается довольно наивное представление об упущении из рук какого-то материального предмета: точно потерять власть – это то же, что потерять часы или записную книжку».

Троцкому неприятно было обсуждать эту тему, но он конечно же утратил власть, которой обладал. Он потерял все – положение, репутацию, сторонников, детей, убитых по приказу Сталина, и, наконец, саму жизнь. И причиной тому была, разумеется, не простуда, подхваченная осенью 1923 года...

В те годы имена Ленина и Троцкого звучали вместе. И враги и друзья называли их вожжами революции.

Выдающийся русский философ Николай Бердяев писал: «Бесспорно, Лев Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ...»

Троцкий был необыкновенно яркой фигурой. Но ему не хватало того, что в избытке было у Ленина, а потом и у Сталина, – жажды власти. Он не стал фанатиком власти, наивно полагал, что ему достаточно и того, что у него уже есть. Он не понимал, что борьбу за власть ведут до последнего смертного часа, а не только в годы революции и войны.

ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Личные отношения Ленина и Троцкого складывались непросто. Троцкий был очень близок к Ленину в первые годы их участия в социал-демократическом движении, когда Льва Давидовича именовали «ленинской дубинкой». Потом Троцкий примкнул к меньшевикам, и их пути разошлись – до 1917 года.

В эмиграции они жестоко ссорились, в том числе из-за денег, которые были добыты путем «экспроприаций» (большей частью в результате ограбления банков) и которые социал-демо-

краты не могли поделить. При этом они выражались весьма недипломатично. В те годы это было привычным стилем в среде социал-демократов. Ленин в своих статьях и письмах ругался как ломовой извозчик. Троцкий не оставался в долгу.

В 1913 году Троцкий писал в частном письме: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую разжигает мастер сих дел Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении». Письмо Сталин потом прикажет опубликовать.

Но Ленин знал цену такой публицистике и легко менял гнев на милость, если недавний объект уничижительной критики оказывался политическим союзником. Люди, которых он бранил, оставались его ближайшими соратниками, помощниками и личными друзьями. Он мог с легкостью рассуждать о необходимости расстреливать тех, кого считал врагами советской власти, но споры и политические разногласия не считал поводом для вражды и репрессий.

В 1917 году Троцкий присоединился к большевикам, считая, что прежние разногласия не имеют значения. Он полностью поддержал Ленина, и дальше они шли вместе. На заседании Петроградского комитета партии сразу после революции Ленин сказал, что отныне «нет лучшего большевика, чем Троцкий». Эту речь Ленина до перестройки не публиковали – именно из-за слов о Троцком.

В революционный год Троцкий оказался одной из самых заметных фигур в бурлящем Петрограде. Он четыре года отсидел в царских тюрьмах, еще два года находился в ссылке. Дважды бежал из Сибири. Это прибавляло ему авторитета в дискуссиях. Он был фантастически умелым оратором. Его выступления буквально завораживали.

Иван Куторга, активист партии кадетов, оставивший воспоминания об ораторах 1917 года, так писал о Троцком: «На крестьянском съезде он выступал среди предельно враждебной ему аудитории. Казалось, большевистский оратор не сможет сказать ни единого слова. И действительно, вначале оборончески и эсеровски настроенные делегаты прерывали Троцкого на каждом слове. Через несколько минут своей находчивостью и страстностью Троцкий победил аудиторию настолько, что заставил себя слушать. А окончив речь, он даже услышал аплодисменты».

В те годы проявился и публицистический талант Троцкого, весьма литературно одаренного. Блистательный социолог Питирим Сорокин вспоминал не без удовольствия: «Великолепны были саркастические статьи Троцкого, в которых он бичевал и осмеивал своих оппонентов, в том числе и меня. Отличная сатира».

Но Троцкий блистал не только на митингах. У него был и организаторский дар. Это проявилось еще в первую русскую революцию. В октябре 1905 года председателем Петербургского Совета рабочих депутатов избрали адвоката-меньшевика Петра Алексеевича Хрусталева (настоящее имя – Георгий Степанович Носарь, партийный псевдоним Ю. Переяславский). Но главной фигурой в Совете быстро стал Троцкий.

Анатолий Васильевич Луначарский, будущий нарком просвещения, вспоминал потом, как кто-то обмолвился при Ленине:

– Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете – Троцкий.

Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал:

– Что ж, Троцкий заслужил это своей неустанной и яркой работой.

После ареста в ноябре Носаря-Хрусталева председателем Петросовета избрали Троцкого. Впрочем, скоро арестовали и самого Льва Давидовича. Ни допросы, ни камера его не напугали. На суде он вел себя очень смело.

«Популярность Троцкого среди петербургского пролетариата, – продолжал Луначарский, – ко времени ареста была очень велика... Я должен сказать, что Троцкий из всех социал-демократических вождей 1905–1906 годов, несомненно, показал себя, несмотря на свою моло-

дость, наиболее подготовленным, меньше всего на нем было печати некоторой эмигрантской узости, которая, как я уже сказал, мешала в то время даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое государственная борьба. И вышел он из революции с наибольшим приобретением в смысле популярности: ни Ленин, ни Мартов не выиграли, в сущности, ничего. Плеханов очень много проиграл... Троцкий же с тех пор встал в первый ряд».

Троцкий сыграл ключевую роль в событиях лета и осени 1917 года, когда Ленин, спасаясь от ареста, покинул Петроград и скрывался.

Борис Владимирович Никитин, в 1917 году начальник военной контрразведки Петроградского военного округа, считал лидеров большевиков платными немецкими агентами и пытался их изолировать.

1 июля 1917 года он подписал двадцать восемь ордеров на арест. Список открывался именем Ленина.

Никитин взял с собой помощника прокурора и пятнадцать солдат и поехал на квартиру Ленина, который жил на Широкой улице.

«Оставив на улице две заставы, мы поднялись с тремя солдатами по лестнице, – писал потом Никитин. – В квартире мы застали жену Ленина Крупскую. Не было предела наглости этой женщины. Не бить же ее прикладами. Она встретила нас криками: «Жандармы! Совсем как при старом режиме!» – и не переставала отпускать на ту же тему свои замечания в продолжение всего обыска... Как и можно было ожидать, на квартире Ленина мы не нашли ничего существенного...»

Контрразведке удалось через какого-то сапожника, чинившего ботинки родственницы Троцкого, выяснить, где находится Лев Давидович. Туда выехал энергичный офицер комендантского управления капитан Соколов с караулом. Около пяти утра капитан вернулся с унылым видом и без арестованного.

– Что случилось? – удивленно спросил Никитин.

– Войдя в дом, где живет Троцкий, я встретил Чернова, – доложил капитан. – Он приказал вам передать, что Керенский и Временное правительство отменили арест Троцкого.

Виктор Михайлович Чернов, один из основателей партии эсеров, был министром земледелия Временного правительства. Он был обязан Троцкому жизнью.

Это произошло в разгар июльских событий в Петрограде, когда Чернова возле Таврического дворца схватила толпа, готовая его растерзать. Но, на счастье Чернова, откуда-то появился Троцкий. Сцену описал один из руководителей революционных матросов Федор Федорович Раскольников, который привел к дворцу балтийцев:

«Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы бурливое волнение массы, если бы делу не помог тов. Троцкий. Он сделал резкий прыжок на передний кузов автомобиля и широким энергичным взмахом руки человека, которому надоело ждать, подал сигнал к молчанию. В одно мгновение все стихло, воцарилась мертвая тишина. Громким, отчетливым металлическим голосом Лев Давидович произнес короткую речь, закончив ее вопросом:

– Кто за насилие над Черновым, пусть поднимет руку.

Никто даже не приоткрыл рта, никто не вымолвил и слова возражения.

– Гражданин Чернов, вы свободны, – торжественно произнес Троцкий, обращаясь всем корпусом к министру земледелия и жестом руки приглашая его выйти из автомобиля.

Чернов был ни жив ни мертв. Я помог ему сойти с автомобиля, и с вялым, измученным видом, нетвердой нерешительной походкой он поднялся по ступенькам и скрылся в вестибюле дворца. Удовлетворенный победой, Лев Давидович ушел вместе с ним».

Долг платежом красен. Узнав о готовящемся аресте Троцкого, Чернов нашел Александра Федоровича Керенского, военного и морского министра, и убедил его отменить приказ, а сам бросился спасать своего недавнего спасителя.

Никитин был возмущен и отправился к командующему Петроградским военным округом генералу Петру Александровичу Половцеву. Тот спал в маленькой комнате при штабе. Никитин бесцеремонно потряс генерала за плечо и выпалил:

– Прошу сейчас же уволить меня в отставку. Я больше служить не могу, да и не хочу.

– Подожди, подожди, – пытался успокоить его Половцев. – Ты объясни сначала, в чем дело.

Никитин коротко доложил.

– Вот как? – удивился уже окончательно проснувшийся генерал. – Что же я могу сделать, если это приказание военного министра? Могу тебе посоветовать только одно – поезжай к генерал-прокурору и обжалуй распоряжение министра.

Через два часа Никитин явился в дом министра юстиции. Его обязанности временно исполнял Геннадий Дмитриевич Скарятин. Он выслушал начальника контрразведки и обещал немедленно внести протест. В одиннадцать утра Скарятин позвонил Никитину и извиняющимся голосом сообщил, что постановление правительства об отмене ареста Троцкого является окончательным.

О намерении арестовать Троцкого узнал весь Петроград. К начальнику контрразведки с протестом явилась группа возмущенных членов Петроградского Совета, что характерно – не симпатизировавших большевикам.

– Как? Вы хотели арестовать Троцкого?

В их вопросе Никитин услышал даже не упрек, а некое сострадание, словно начальник контрразведки был не в своем уме.

– Да. И сейчас этого требую!

– Но ведь это Троцкий! Поймите – Троцкий! – наперебой твердили депутаты.

По словам Никитина, постановление об аресте Ленина не вызвало такого протеста.

Тем временем следственные органы Временного правительства пришли к выводу, что лидеры большевиков в первых числах июля пытались поднять вооруженное восстание против государственной власти. Большевиков объявили контрреволюционной силой. Ленин обреченно сказал Троцкому:

– Теперь они нас всех перестреляют. Самый для них подходящий момент.

Министр юстиции Временного правительства и верховный прокурор Павел Николаевич Малянтович распорядился: «Ульянова-Ленина Владимира Ильича арестовать в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего и пятого июля в Петрограде».

Ленин и очень близкий к нему Григорий Евсеевич Зиновьев, член ЦК и один из редакторов «Правды», скрылись из города, опасаясь суда и тюрьмы. «Ленина нет, – вспоминал потом Николай Иванович Муралов, который стал первым командующим Московским военным округом, – а из остальных один Троцкий не растерялся».

Троцкий не убежал из Петрограда. Он написал открытое письмо Временному правительству о том, что, если Ленина осмеливаются называть немецким шпионом, тогда и он просит считать его шпионом. Троцкий сам требовал своего ареста и гласного суда. И 23 июля Троцкого арестовали. Его продержали в Крестах два месяца, но потом вынуждены были выпустить. Тюремное заключение еще прибавило ему популярности.

Воспоминания об октябре 1917 года не оставляют сомнений: Ленин, спасаясь от ареста, исчез. Многие обвиняли его в трусости, в том, что он сбежал в решающий момент. Казнь старшего брата, Александра Ульянова, возможно, наложила неизгладимый отпечаток на психику Владимира Ильича.

Вся подготовка восстания шла практически без Ленина.

«После июльского бегства личное влияние Ленина падает по отвесной линии: его письма опаздывают, – писал полковник Никитин. – Чернь подымается. Революция дает ей своего вождя – Троцкого... Троцкий на сажень выше своего окружения...

Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит. Клянется Троцкий, клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта. Троцкий родился для революции, он не бежал... Октябрь Троцкого надвигается, планомерно им подготовленный и технически разработанный. Троцкий – председатель Петроградского Совета с 25 сентября – бойкотирует парламент Керенского. Троцкий – председатель Военно-революционного комитета – составляет план, руководит восстанием и проводит большевистскую революцию...

Троцкий постепенно, один за другим переводит полки на свою сторону, последовательно день за днем захватывает арсеналы, административные учреждения, склады, вокзалы, телефонную станцию...

В отсутствие Ленина Троцкий оказался на главных ролях. Он методично привлек на свою сторону весь столичный гарнизон. Уже 21 октября вооруженные части Петрограда признали власть Совета. С этого дня столица принадлежала не Временному правительству, а Троцкому. На стороне Временного правительства оставалась только Петропавловская крепость. Туда поехал Троцкий. Он выступил на собрании этого наблюдательного гарнизона, и солдаты приняли решение поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов.

II съезд Советов, к которому был приурочен военный переворот в Петрограде, открылся в день рождения Троцкого – 25 октября. Такой вот он сделал себе подарок.

Решающую ночь Октябрьского восстания Троцкий провел на третьем этаже Смольного в комнате Военно-революционного комитета. Оттуда он руководил действиями военных частей. К нему пришел Лев Борисович Каменев, который выступал против вооруженного восстания, но в решающую минуту счел своим долгом быть рядом.

В первую годовщину Октябрьской революции Сталин писал в «Правде»: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому».

Член ЦК и Военно-революционного комитета Моисей Урицкий восхищенно говорил в те дни Луначарскому:

– Как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого.

Троцкий по значимости в революционном движении был человеком того же уровня, что и Ленин. Из всех вождей большевиков только эти двое обладали качествами, необходимыми для того, чтобы взять власть и не уступить ее.

«ПУСТЬ БЕРЕТ ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА»

Троцкий мечтал быть писателем, журналистом. Власть пришла к большевикам так быстро и неожиданно, что Лев Давидович еще и не успел решить, чем же он станет заниматься. На заседании ЦК Ленин предложил назначить Троцкого председателем Совета народных комиссаров. Тот отказался.

– Почему же? – настаивал Ленин. – Вы же стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть.

Но Троцкий понимал, что этот пост должен принадлежать Ленину, как лидеру победившей партии. Тогда Ленин потребовал, чтобы Троцкий возглавил ведомство внутренних дел: борьба с контрреволюцией важнее всего. Лев Давидович отказался и от этого предложения. Среди прочего привел в качестве аргумента свое происхождение: еврею не стоит занимать эту должность. Владимир Ильич всей душой ненавидел и презирал антисемитов, поэтому вспылил:

– У нас великая международная революция, какое значение могут иметь такие пустяки?

– Революция-то великая, – ответил Троцкий, – но и дураков осталось еще немало.

– Да разве ж мы по дуракам равняемся?

– Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?

Троцкий стал говорить, что охотнее всего он продолжил бы занятия журналистикой. Тут уже был против секретарь ЦК Яков Михайлович Свердлов:

– Это мы поручим Бухарину.

Практичный Свердлов и нашел работу для Троцкого:

– Льва Давидовича нужно противопоставить Европе. Пусть берет иностранные дела.

– Какие у нас теперь будут иностранные дела? – недоуменно пожал плечами Ленин, как и все ожидавший мировой революции, но, подумав, согласился.

Вот так Троцкий стал первым министром иностранных дел Советской России. Он занимал пост министра, то есть наркома, всего ничего – меньше пяти месяцев, с 8 ноября 1917-го до 13 марта 1918-го.

В студенческие годы я участвовал в научной конференции в Московском государственном институте международных отношений, посвященной «первому министру иностранных дел Чичерину». Будущим советским дипломатам не следовало знать, что первым был Троцкий...

К своей дипломатической деятельности Троцкий отнесся несколько легкомысленно, потому что было ясно – сейчас не это главное. С утра до вечера он был занят делами Петроградского Совета и Военно-революционного комитета.

Когда один из старых большевиков попросился к Троцкому в наркомат, тот ответил:

– Жаль брать вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только затем, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку.

Конечно, эти слова Троцкого – или вежливый отказ, или шутка. Хотя он явно исходил из того, что судьба революции решается не на дипломатическом поприще. Троцкий говорил, что мировому пролетариату дипломатия не нужна, трудящиеся поймут друг друга и без посредников. По словам историков, он вообще не мог понять, как это революционер может стать дипломатом? Слово «дипломатия» считалось в Смольном бранным, а тайная дипломатия осуждалась безусловно.

Перед Троцким стояла одна практическая задача – вывести Россию из войны. Для этого следовало связаться с воюющими державами. Кроме того, быстро выяснилось, что революционная власть, взявшись управлять государством, все же должна исполнять определенные обязанности – по крайней мере, до наступления мировой революции.

Аппарат старого Министерства иностранных дел советское правительство не признавал и исполнять его приказы не собирался. Через день после победы революции в министерство приехал угрюмый и молчаливый Урицкий, который со временем станет председателем Петроградской ЧК и будет убит. Урицкий предъявил мандат Военно-революционного комитета, которым он назначался «комиссаром при Министерстве Иностранных Дел». Он обошел все здание министерства и уехал. Мидовскими делами он больше не занимался.

Когда в министерство приехал Троцкий, он обратился к дипломатам с небольшой речью. Но в этой аудитории он впечатления не произвел. Никто не верил, что большевики сумеют сохранить власть. А раз так, то что с ними церемониться?

Директор департамента общих дел Министерства иностранных дел Владимир Лопухин вспоминает, как бывший исполняющий обязанности поверенного в делах России в Абиссинии Борис Чемерзин пытался укорить Троцкого:

– Вы Бронштейн, а не Троцкий. Присваивая себе не принадлежащее вам имя, вы являетесь самозванцем.

Троцкий спокойно ответил, что сколько-то лет непрерывающейся борьбы и подполья, чередовавшихся с заключениями в царских тюрьмах, когда по необходимости приходилось измышлять себе «боевую кличку» политического борца, в достаточной степени оправдывают присвоенное конспиративное имя, под которым он, Троцкий, наиболее известен в политических кругах. По словам возмущенного этим эпизодом дворянина Лопухина, «выходка Чемерзина прозвучала фальшью конфузной фанфаронады». В приличном обществе считалось постыдным раскрывать псевдонимы, чтобы тыкать в нос еврейским происхождением...

Сам Троцкий вспоминал об этой встрече так:

«Я НКВД долго не посещал, так как сидел в Смольном. Вопрос был военный – наступление на нас Краснова, были собрания представителей от заводов и масса других дел...

Ни входов, ни выходов мы не знали, не знали, где хранятся секретные документы; а Петербургский Совет довольно нетерпеливо ждал секретных документов. У меня лишнего времени не было съездить посмотреть. Когда я один раз приезжал, причем это было не в первый день, а дней через пять – семь после взятия нами власти, то мне сказали, что никого здесь нет...

Я потребовал собрать тех, которые явились, и оказалось потом, что явилось колоссальное количество... В двух-трех словах я объяснил, что тот, кто желает добросовестно служить, останется на службе. Но я ушел несолоно хлебавши...

Тогда Троцкий потребовал, чтобы все руководители отделов сдали дела его новым помощникам. Утром старшие дипломаты собрались и решили, что они не станут служить большевистскому правительству. Не по политическим причинам, а потому, что они были напуганы и обижены радикальными речами большевиков, которые собирались покарать всех царских чиновников. Как же служить тем, кто желает твоей смерти?

Троцкий в назначенный день не приехал. Появились его помощники по наркомату: меньшевик Евгений Поливанов и большевик Иван Залкинд.

Поливанов, племянник царского военного министра, окончил Санкт-Петербургский университет, причем обучался одновременно на двух факультетах – историко-филологическом и восточных языков. Он говорил на многих языках. Поливанов возглавил в НКВД отдел отношений с Востоком. Но его карьера будет недолгой: скоро выяснится, что до революции он входил в черносотенный Союз русского народа, кроме того, еще сильно пил и вроде бы даже потреблял кокаин и морфий и посещал китайские курильни опиума в Петрограде. В пьяном виде Поливанов упал с платформы под поезд, и ему отрезало руку...

В 1919 году он вступил в партию, уехал в Среднюю Азию. Он пользовался уважением среди языковедов как талантливый лингвист. В 1926 году Поливанова вызвали в Москву для научной работы, но его идеи большинство ученых-марксистов отвергли. Ему пришлось вернуться в Среднюю Азию. В 1938 году он погиб в заключении. Ему не простили работу в Наркомате иностранных дел под руководством Троцкого...

Иван Залкинд, который окончил Сорбонну и был доктором биологии, с юности примкнул к социал-демократам. Он стал заведовать отделом стран Запада. Залкинд вспоминал позднее, как они с Поливановым объезжали виднейших чиновников Министерства иностранных дел, требуя, чтобы те явились в министерство для «решающих переговоров». Многих им заставить не удалось, кое-кто сказался больным. Один из дипломатов, утверждавший, что он серьезно захворал, залез под одеяло в костюме и ботинках...

На другой день Поливанов и Залкинд приехали в министерство, запасшись на всякий случай ордерами на арест за подписью Урицкого. Это было, собственно, постановление Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, в котором говорилось:

«Военно-революционный комитет по предложению Народного Комиссара по Иностранным делам постановляет:

Бывшего такого-то...

Бывшего такого-то...

Бывшего такого-то...

Арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-Революционному Суду. Всем местным Советам, Военно-Революционным Комитетам и всем пограничным органам Власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления».

Фамилии в это постановление можно было вписать любые. Но этот грозный документ не понадобился. Во всех окнах министерства горел свет, вешалки были переполнены, а на верхнем этаже предстало зрелище, напоминавшее парадный прием: явились не только все званые, но и многие вовсе не званые. Министерство было в полном сборе.

Бывший товарищ (заместитель) министра Александр Петряев представил помощникам Троцкого заведующих департаментами и отделами. Залкинд произнес небольшую речь о служебном долге чиновников, напомнил, что время военное, а функции Министерства иностранных дел таковы, что не терпят – в интересах страны – даже краткого перерыва.

Бывшие руководители бывшего министерства пошептались, и Петряев сказал, что их решение остается неизменным: данному правительству они служить не могут, но готовы пойти на компромисс – вести текущие дела, не связанные с политикой: исполнять консульские обязанности, заниматься пленными и так далее.

Посланцы Троцкого пришли к выводу, что это усовершенствованная форма саботажа, при которой чиновники сохранили бы за собой возможность вредить Совнаркому и помогать своим друзьям. Залкинд категорическим тоном произнес, что чиновники министерства могут остаться на работе только в том случае, если они признают революционное правительство.

– Товарищ Троцкий, – громким голосом сказал Поливанов, – сегодня не может быть у вас. Занят неотложными делами в Смольном. Будет завтра с утра. Просит вновь собраться к десяти часам.

На следующий день действительно приехал Троцкий, который внешне до крайности не понравился Владимиру Лопухину: «Сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительно-черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И – непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная борода придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, созданным народной фантазией».

Многие современники говорили о «дьявольском» и «хищном» выражении лица Троцкого. Другие, напротив, находили общение с ним интересным и приятным. Видимо, все дело в том, как эти люди относились к Троцкому. Одет нарком был в потертый сюртук, заношенную рубашку и мятые брюки. Но заговорил он приятным, мелодичным голосом и очень вежливо:

– С кем имею честь?.. Я Троцкий.

Он немедленно стал уговаривать Лопухина остаться на своем посту. Директор департамента общих дел наотрез отказывался.

– Что вы имеете против нас? – в упор спросил его Троцкий. – Ответьте конкретно! Вам не нравится, что мы завершаем войну, передаем землю крестьянам, национализируем фабрики и заводы?

Лопухин покачал головой. Он не хотел ссориться с человеком, чье слово в Петрограде решало все.

– Окончание войны я могу только приветствовать, – ответил Лопухин, – так как для меня очевидно, что армии как боеспособной силы у нас нет. И народ устал от войны. Ее надо кон-

чать... Но не в этом дело! Я служил иным принципам. Если сегодня я им изменю и с завтрашнего дня буду служить другим идеям, вы ни уважения, ни доверия ко мне иметь не сможете. И еще! Простите меня, но, в конце концов, не верится в прочность вашей власти.

– Вот в этом, – воскликнул Троцкий, – вы ошибаетесь! Мы – единственная политическая партия с темпераментом! Нет, власть наша прочная. Давайте решим так. Отложим нашу беседу. Когда вы увидите, что мы не ушли, тогда возвращайтесь.

– А пока, – Лопухин воспользовался хорошим настроением наркома, – отпустите меня с миром. Вы не поверите, как я устал, работая в крайнем напряжении чуть не с начала войны. Надо отдохнуть. Вы должны меня понять. Я убежден, что в вашей политической борьбе и вы основательно утомились.

Нарком только усмехнулся наивности дипломата.

– Я лично, – ответил Троцкий, – успел отдохнуть в тюрьме, откуда только что вышел. Вы свободны. Можете использовать вашу свободу как хотите. Хотите здесь остаться – оставайтесь. Хотите уехать – уезжайте. Даже за границу можете выехать. Мы вам препятствовать не будем.

Эти слова много значили. Дело в том, что уже 3 ноября 1917 года Петроградский военно-революционный комитет отправил комиссару пограничной станции Торнео на финляндско-шведской границе – в условиях войны это был единственный безопасный путь из России в Европу – короткую телеграмму: «Граница временно закрыта. Без особого распоряжения ВРК никто пропущен быть не может».

Позже последовало разъяснение. Иностранным дипломатам дозволялся проезд в обе стороны. Из российских граждан уезжать имели право только обладатели специальных разрешений Военно-революционного комитета. А беспрепятственно возвращаться в Россию могли политэмигранты...

Троцкий, вполне расположившись к Лопухину, между делом рассказал ему, что портфель министра иностранных дел взял, подчиняясь партийной дисциплине, а по профессии он журналист.

Тем временем новые помощники наркома потребовали показать им расположение всех служебных помещений, сдать деньги, имеющиеся в министерстве, и представить сотрудника, отвечающего за сохранность архивов и шифров. Появился заведующий канцелярией граф Татищев, который организовал новому начальству экскурсию по министерству.

«Директор канцелярии Татищев, – писал Троцкий, – провел по всем комнатам, отчетливо показал, где какой ключ, как его вертеть и т. д. Тогда были опасения, не спрятаны ли какие-нибудь бумаги. Но это не подтвердилось. Когда мы спросили его, а где же секретные документы, он сказал, что наше представление о них страдает, так сказать, некоторым фетишизмом, что они обязательно должны быть написаны на пергаменте и т. д. Эти грабительские соглашения создавались просто путем шифрованной телеграфной передачи, и копии их лежали в довольно прозаичном виде, спрятанные в шкафах...»

Потом Залкинд отобрал у Татищева все четыре связки ключей и отпустил графа.

Троцкий выделил двух проверенных товарищей, которые умели печатать на печатных машинках, и прислал караул из Павловского полка. Вооруженную охрану поставили у входа в бронированные комнаты, где в пяти громадных несгораемых шкафах хранились картонные папки с копиями посольских депеш и договорами.

11 ноября 1917 года в «Известиях Петросовета» был опубликован приказ Троцкого: «Чиновники МИД, которые не приступят к работе до утра 13 ноября, будут уволены без права на пенсию».

Нарком исполнил свое обещание. 14 ноября в газете появился длинный список бывших сотрудников министерства, которые «за отказ от подчинения Совнаркому увольняются от должности без права на пенсию».

22 ноября НКИД разослал циркулярную телеграмму всем дипломатическим представителям России за границей с одним вопросом: согласны ли они служить новой власти? 26 ноября двадцать восемь глав российских миссий были уволены со службы «за неполучением ответа».

Троцкий исходил из того, что дипломатия не ахти какая сложная наука, и если чиновники не хотят подчиняться новой власти, то наркомат обойдется и без них. В НКИД пришли работать рабочие с завода военных и морских приборов «Сименс и Шуккерт», солдаты. Шифровальщиков нашли в Главном морском штабе. Из мидовских сотрудников остались курьеры и прислуга, изъявившие желание служить новой власти. Потом к ним присоединились некоторые дипломаты, которые прекратили забастовку.

Александр Доливо-Добровольский, бывший директор правового департамента МИД, через газету «Наша жизнь» обратился к коллегам с призывом последовать его примеру: «Большевики захватили власть, свергнув коалиционное правительство. В первое же мгновение все отступили перед фактом захвата, перед призраком разорванных хартий свободы. Но нам было предоставлено время, много дней, чтобы заметить, что перед нами не кондотьеры с еще горячими ружьями после уличной схватки, но фактическая власть большой народной партии».

В те времена еще многое было позволено. Будущий знаменитый писатель Илья Григорьевич Эренбург печатал в московских газетах статьи, в которых писал о Ленине без тени почтения: «Лет десять тому назад юнцом наивным и восторженным прямо из Бутырской тюрьмы попал я в Париж. Утром приехал, а вечером сидел уж на собрании в маленьком кафе Avenue d'Orleans. Приземистый лысый человек за кружкой пива, с лукавыми глазами на красном лице, похожий на добродушного бюргера, держал речь. Сорок унылых эмигрантов, с печатью на лице нужды, безделья, скуки, слушали его, бережно потягивая гренадин. «Козни каприйцев», легкомыслие впередовцев, тож отзовистов, соглашательство троцкистов, тож правдовцев, «уральские мандаты», «цека, цека, ока» – вещал оратор, и вряд ли кто-либо, попавший на это собрание не из Бутырок, а просто из Москвы, понял бы сии речи...»

Очень скоро бывшие дипломаты увидели, что у них нет иного выбора, кроме как прописаться назад на государственную службу. Никакой иной работы в Советской России не осталось, потому что частный бизнес был уничтожен. К тому же в 1918 году в Петрограде вспыхнула эпидемия холеры, и безработных заставляли копать могилы.

– Довольно покобенились и поголодали, – говорил коллегам бывший сотрудник 2-го департамента МИД Андрей Сабанин. – Пора приняться за дело. Но работать как следует можно только по специальности. Предложу услуги Наркоминделу.

И его взяли, как и многих других молодых дипломатов, которые быстро сделали в НКИД карьеру.

Троцкий придавал большое значение скорейшему опубликованию секретных документов из архива российского МИД. Он хотел, чтобы все увидели, как вся Европа была вовлечена в кровавую мировую войну. Сохранилась его записка Залкинду, написанная 7 ноября, на бланке наркома:

«Посылаю Вам специальный караул, которому отданы строжайшие инструкции. Непременно достаньте еще одного или двух работающих на машинке, переводите и перепишите как можно большее количество интересующих нас документов и отложите все оригиналы отдельно, их придется хранить особо. Точно сверяйте копии, снимаемые переписчиками (точность дат, имен и пр.), скрепляйте подписями и печатью.

Оригиналы отберите с таким расчетом, чтобы их можно было спрятать в надежном месте (у чиновников могут быть дубликаты ключей).

Жму руку.
Ваш Троцкий».

Найденные документы сразу публиковались. Это были секретные договоры с Италией, Румынией, Францией, личная переписка императора Николая II, депеши послов Временному правительству. По указанию Ленина немедленно опубликовали перехваченное донесение румынского военного атташе, в котором говорилось, что враг революции генерал Лавр Георгиевич Корнилов намеревался сдать немцам Ригу.

Сам Троцкий ненавидел тайную дипломатию. После него еще восторжествует привычка по секрету договариваться об одном, а на публике провозглашать другое. Сталин считал дипломатию доведенным до совершенства искусством обмана: «Слова дипломата не должны иметь никакого отношения к действиям – иначе что это за дипломатия? Слова – это одно, а дела – другое... Искренняя дипломатия невозможна...»

Троцкий обладал даром привлекать к себе людей, которые шли за ним, как за вождем. Помощником наркома назначили матроса-электротехника Балтийского флота Николая Григорьевича Маркина, талантливого самоучку и весьма храброго человека. Ему было двадцать пять лет, он вырос в бедной семье, рано начал работать, пристрастился к чтению нелегальной литературы, был арестован за попытку поджечь магазин своего хозяина. В тюрьме сблизился с политическими заключенными. После Февральской революции принимал участие в выпуске вечерней газеты «Рабочий и солдат», работал в Петроградском Совете, делегатом от Балтийского флота вошел во ВЦИК. Маркин установил в наркомате большевистский порядок.

Троцкий восхищался своим помощником: «Я был занят в Смольном общими задачами революции. Тогда Маркин стал на время негласным министром иностранных дел. Он сразу разобрался по-своему в механизме комиссариата, производил твердой рукой чистку родовитых и вороватых дипломатов, устраивал по-новому канцелярию, конфисковал в пользу беспризорных контрабанду, продолжавшую поступать в дипломатических вализах из-за границы, отбирал наиболее поучительные тайные документы и издавал их за своей ответственностью и со своими примечаниями отдельными брошюрами...»

Николай Маркин обзавелся парой переводчиков и составил из обнаруженных документов шесть сборников, которые отпечатал в типографии бывшего Министерства иностранных дел. Его энергии хватило бы на троих. Он с увлечением занимался всем, за что бы ни брался, – разбор дипломатической переписки или починкой пулемета. Матросу Маркину принадлежала идея продавать с аукциона подарки, которые заграничные друзья присылали чиновникам МИД. Чего там только не было – от статуэток до принадлежностей дамского туалета.

Первые контакты с иностранными дипломатами страшно веселили новых дипломатов. Иван Залкинд не без удовольствия вспоминал, как к нему приехал секретарь испанского посла, которого отзывали на родину, и убеждал помощников Троцкого, что советскому правительству следует наградить посла орденом. Старых орденов, еще царских, было предостаточно – их обнаружили в министерстве в большом количестве. Залкинд выложил на стол целую кучу и великодушно предложил испанцу выбрать любой.

Персидский посланник под Новый год прислал по традиции руководителям наркомата пару бутылок шампанского и коньяка. Большевики торжественно вылили спиртное в камин и на следующий день еще заставили любезного посланника извиняться...

Реальные отношения сложились только с германо-австрийской миссией по делам о военнопленных, которая прибыла в Петроград после заключения соглашения о перемирии. В перемирие никто не верил, хотя Маркин вывесил на здании наркомата громадный плакат, оповещавший о прекращении боевых действий.

Миссию возглавлял граф Вильгельм Мирбах, который позже вернется в Россию в качестве немецкого посла и будет убит в июле 1918 года. Когда он приходил в наркомат, то всякий раз морщился при виде висевшего на стене портрета немецкого революционера Карла Либк-

нехта. Сотрудники миссии были лишены права свободного передвижения по городу. Гостилицу, в которой их поселили, охраняли мрачные и неподкупные латышские стрелки. Мирбах постоянно жаловался на притеснения, но наркомат оставался равнодушен к страданиям немецких и австрийских дипломатов, потому что такие же ограничения были введены в Брест-Литовске для прибывшей туда на переговоры советской делегации.

Мирбах даже пытался чисто по-человечески объяснить, что сотрудники его миссии «люди молодые» и нуждаются в моционе... Одного такого молодого человека, который все-таки выбрался в город, где-то изрядно поколотили. Но на это Мирбах жаловаться не стал.

Переговоры с немцами о судьбе военнопленных вели Александр Доливо-Добровольский и Федор Петров, который впоследствии стал заведовать хозяйственным отделом наркомата.

Некоторые другие чиновники бывшего министерства завели разговор о возвращении на работу, но обставили это условиями, показавшимися новой власти неприемлемыми. Посему на здании наркомата появилось залихватское объявление: «Старых чиновников просят предложениями своих услуг не беспокоить». Набрали совсем новых людей. Всем объясняли, что иностранную политику государства будут определять не они, а Совет народных комиссаров. Ставки жалования были весьма демократичными: руководителям наркомата платили пятьсот рублей, водителям – четыреста пятьдесят, курьерам – триста.

1 декабря 1917 года в Наркомате иностранных дел насчитывалось тридцать человек, к Новому году – больше ста, а в январе 1918-го – уже двести. В аппарате наркомата собралась разношерстная публика: левые эсеры, анархисты. Несколько человек арестовали как белогвардейцев, а одного болгарина обвинили в том, что он немецкий шпион.

Народный комиссариат иностранных дел занял здание бывшего царского министерства на Дворцовой площади. Сам нарком и его секретариат по-прежнему находились в Смольном, в комнате номер 7. Это было время, когда Ленин и Троцкий работали в четыре руки. Переехав в Москву, в Кремле они даже поселились друг напротив друга и поддерживали близкие, почти дружеские отношения.

Ленин занимался фантастическим делом – пытался своими декретами и решениями коренным образом перевернуть всю жизнь огромной страны. Некоторые документы тех лет написаны ими совместно. Начало писал Троцкий, окончание – Ленин. Они постоянно переговаривались и советовались.

А в Наркомате иностранных дел помимо двух основных отделов Запада действовали: отдел, занимавшийся военнопленными, отдел денежных переводов за границу, правовой отдел, шифровальный, экономический, отдел печати, отдел виз, отдел личного состава и хозяйственный. Больше всего работы было у отдела виз, потому что иностранцы покидали Советскую Россию толпами. Бежали и свои – с поддельными документами. Один активист партии кадетов сумел уехать, предъявив паспорт китайского дипломатического курьера, который ему преспокойно отштамповали в НКИД.

Заграничные представительства Советской России были весьма немногочисленны. В Лондоне будущий нарком Максим Максимович Литвинов открыл Русское народное посольство. В Стокгольме Вацлаву Вацлавовичу Воровскому с первым советским дипломатическим курьером были отправлены верительные грамоты «Полномочного представителя Народного Комиссара иностранных дел в Скандинавских странах». Дворянин Воровский владел десятком европейских языков. Он жил в Швеции с 1915 года.

«Никаких дипломатических переговоров в те времена не велось, – вспоминал Троцкий. – Наша дипломатическая деятельность происходила в Смольном безо всякого аппарата НКИД. Только когда приехал тов. Чичерин и был назначен в состав НКИД, началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах...»

Троцкий вызволил бывшего царского дипломата Георгия Васильевича Чичерина из английской тюрьмы, где он сидел за пропаганду идеи немедленного окончания войны, и сделал

своим заместителем в наркомате. Чичерина Троцкий знал давно: Георгий Васильевич еще в первую русскую революцию 1905 года примкнул к социал-демократам.

Никакой нормальной дипломатической работы в эти месяцы не велось, потому что мир не признавал Совет народных комиссаров. Но пока в Брест-Литовске не был заключен мир с немцами, иностранные миссии в Петрограде поддерживали какие-то формальные отношения с советской властью. Дипломаты приходили в наркомат, надеясь убедить новую власть не проводить национализацию иностранной собственности и не отказываться от своих обязательств по сделанным в Европе займам. Шведского посланника обидели, назвав его правительство буржуазным. Он энергично запротестовал, уверяя, что у него в стране правительство не буржуазное, а демократическое. Сербский посланник надеялся найти в наркомате какое-то понимание, но с ним завели разговор о «великосербском империализме». Он не остался в долгу и заявил, что большевики сами империалисты и большой разницы между Троцким и царским министром иностранных дел Сазоновым он не видит.

Французская миссия отказывалась именовать комиссариат иностранных дел «народным», но от нее просто не принимали никаких документов. Французам пришлось пойти на попятный. К иностранным дипломатам сотрудники наркомата относились достаточно пренебрежительно.

Когда в Соединенных Штатах были приговорены к смертной казни несколько анархистов, их питерские единомышленники решили провести под окнами американского посольства демонстрацию протеста. Сотрудники НКВД не без злорадства предупредили об этом посла. Тот немедленно обратился к Ленину с требованием обеспечить безопасность посольства. Ленин сделал наркомату выговор: зачем лишний раз пугать послов?

В середине января (по новому стилю) 1918 года румынские войска окружили русские части, которые братались с австрийцами, и арестовали полковые комитеты. 13 января (31 декабря) Совнарком предъявил румынскому правительству ультиматум: немедленно освободить арестованных и наказать виновных: «Неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных».

Ленин приказал арестовать все румынское посольство во главе с посланником Диаманди и румынскую военную миссию. В сообщении Совнаркома говорилось: «Обычные дипломатические формальности должно было принести в жертву интересам трудящихся классов обеих наций».

1 января 1918 года американский посол Фрэнсис позвонил Ленину и попросил принять весь дипломатический корпус – Троцкого не было в Москве. Ленин дал согласие. Сотрудники НКВД не хотели устраивать такую беседу в парадном зале, украшенном разноцветными половиками и зеркальным трюмо. Кабинет Ленина был небольшим, не слишком подходящим для встречи, но все же остановились на этом варианте. Наташили туда побольше стульев и пошли встречать дипломатов.

Первым появился американский посол. Как дуаин дипломатического корпуса, он представлял Ленину всех дипломатов, и они обменивались рукопожатиями. Затем американский посол, а вслед за ним и французский решительно потребовали освободить румынского посланника. Им зачитали телеграмму Льва Троцкого, в которой говорилось о нападении румын на российские войска. Дипломаты объяснения не приняли и не могли согласиться с превращением посла в заложника. Особенно возмутился сербский посланник Спалайкович, который произнес целую речь. Ленина сия картина страшно развеселила. На этом встреча, которая произвела сильное впечатление на иностранных дипломатов, закончилась. Ленин обещал румынского посла отпустить. Но румыны объявили об аннексии Бессарабии. Совнарком разорвал отношения с Румынией.

Некоторые принципы советской внешней политики были заложены в первые же месяцы после революции. Это глубокое неуважение суверенитета других государств и презрение к международным договорам. Советские руководители исходили из того, что «пролетарское государство имеет право на красную интервенцию, походы Красной армии являются распространением социализма, пролетарской власти, революции».

ПОЧЕМУ ОН УЕХАЛ ИЗ БРЕСТА?

От Троцкого требовали одного – прекращения войны и немедленного заключения мира. Солдаты покидали фронт и грозили советскому правительству: если вы не заключите мир, мы повернем оружие против вас.

До Октябрьской революции Ленин сам призывал армию именно к этому:

– Товарищи солдаты, кончайте воевать, идите по домам. Установите перемирие с немцами и объявите войну богачам!

Вот где корни будущего Брестского мира.

Сразу после революции Троцкий по радиотелеграфу предложил всем воюющим государствам заключить мир. 22 ноября он подписал соглашение о приостановке военных действий на русском фронте от Балтийского до Черного моря. Страны Антанты отказались вести переговоры. Государства Четверного союза – Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария – согласились. Они терпели поражение и хотели заключить сепаратный мир на Востоке, чтобы продолжить войну на Западе.

На большую часть короткой дипломатической карьеры Троцкого пришлось самое трудное в этой профессии – переговоры с военными противниками о заключении мира. Умение вести переговоры считается высшим дипломатическим искусством. В другое время – кто знает? – из Троцкого мог бы получиться неплохой дипломат.

Созданная при Сталине версия о том, что Троцкий сорвал переговоры в Брест-Литовске и позволил немцам оккупировать пол-России, не соответствует истине. Принято считать, что Ленин и Сталин заботились об интересах родины, а Троцкий думал только о мировой революции и во имя ее готов был пожертвовать самой Россией. На самом деле в Бресте Троцкий действовал не вопреки решениям партии, а подчиняясь им. Затягивать переговоры, не подписывать мир, сколько возможно, – это была линия Ленина. Борьба вокруг заключения мира с немцами шла не между Лениным и Троцким, а между Троцким и значительной частью партии, которая требовала воевать во что бы то ни стало...

Позже Троцкий говорил на съезде партии, что уже в ноябре 1917 года с немцами можно было договориться – и на очень выгодных условиях. Но «все, в том числе товарищ Ленин, говорили: «Идите и требуйте от немцев ясности в формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад».

9 декабря в Брест-Литовске начались переговоры российской делегации с представителями Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Российскую делегацию возглавил член ЦК Адольф Иоффе. Он в девятнадцать лет присоединился к социал-демократам, в Вене вместе с Троцким издавал газету «Правда», потом вернулся в Россию и в 1912 году был арестован и приговорен к пожизненной ссылке, которую отбывал в Сибири. Его освободила Февральская революция.

В дни революции Иоффе был председателем Петроградского военно-революционного комитета, который передал власть Совету народных комиссаров. Вести переговоры ему поручили, потому что он хорошо говорил по-немецки.

В Брест-Литовске немецкие и австрийские дипломаты расспрашивали Адольфа Иоффе о том, что же происходит в России. Он с воодушевлением рассказывал о целях социалистической революции. Опытные дипломаты воспринимали его слова скептически. Его партнер на

переговорах австрийский дипломат граф Оттокар Чернин записал в дневнике: «Удивительные люди эти большевики. Они говорят о свободе и общем примирении, о мире и согласии, а при этом они, по-видимому, сами жесточайшие тираны, каких видел мир, – буржуазию они попросту вырезают, а единственными их аргументами являются пулеметы и виселица».

Представители Четверного союза в принципе согласились с формулой мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Немецкое правительство заявило, что готово отозвать оккупационные войска и предоставить народам Польши, Литвы и Курляндии право самим определить свою судьбу. Но большая часть ЦК партии большевиков вообще исключала возможность подписания какого-либо документа с империалистической державой. Владимир Ильич сказал Троцкому, что остается одно – затягивать переговоры в надежде на скорые революционные перемены в Германии. И попросил это сделать самого Троцкого.

После бурлящего Петрограда Троцкому показалось в Брест-Литовске просто скучно. Деятельный нарком не хотел терять времени даром. Он усадил стенографисток и надиктовал им очерк об Октябрьской революции. На переговорах он выступал очень умело и убедительно. Но в Бресте Троцкий, по словам историков, желал слишком многого: закончить войну, поднять немецкий рабочий класс на восстание и сохранить престиж России. Выполнить эти задачи одновременно оказалось невозможным. Как ни старался Троцкий затянуть переговоры, наступил момент принятия конкретного решения.

Троцкий с Лениным не очень хотели подписывать официальный мир с немцами еще и по другой причине: и без того поговаривали о том, что они продались немцам. Большевистские лидеры оказались в безвыходном положении. Изобретательный Лев Давидович придумал формулу, которую предложил Ленину:

– Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем. Если немцы не смогут двинуть против нас войска, это будет означать, что мы одержали огромную победу. Если они еще смогут ударить, мы всегда успеем капитулировать.

– Это было бы так хорошо, что лучше не надо, если бы немцы оказались не в силах двинуть свои войска против нас, – озабоченно отвечал Ленин. – А если немцы возобновят войну?

– Тогда мы вынуждены будем подписать мир. Но тогда для всех будет ясно, что у нас нет другого исхода. Этим одним мы нанесем решительный удар по легенде о нашей закулисной связи с немецким правительством.

В руководстве партии большинство требовало войны с немцами. Темпераментный Феликс Эдмундович Дзержинский заявил, что подписание мира – это полная капитуляция. Григорий Евсеевич Зиновьев, будущий председатель исполкома Коминтерна, считал, что мир ослабит революционное движение на Западе и приведет к гибели социалистической республики в России. Урицкий отметил, что у него «рука не поднимется подписать похабный мир». Партия вышла из повиновения, и Ленин остался в меньшинстве. Предложение Троцкого оказалось единственно возможным компромиссом.

На заседании ЦК Сталин сказал: «Ясности и определенности нет по вопросу о мире, так как существуют различные течения. Надо этому положить конец. Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка зрения – позиция Троцкого». На заседании ЦК она получила большинство голосов.

9 февраля руководители немецкой и австро-венгерской делегаций подписали мирный договор с представителями Украинской Народной Республики. И сразу же ультимативно потребовали от Троцкого принять их условия мира. Вот тогда Троцкий в соответствии с решением ЦК на заседании в Брест-Литовске заявил:

«В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны.

Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство...

Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

ПОЧЕМУ ТРОЦКИЙ НЕ ПОДПИСАЛ МИР С НЕМЦАМИ?

Принять грабительские требования немцев Троцкий, как коммунист, считал невыносимым для себя и позором для России. Он рассчитывал, что немцы не решатся наступать. Но в любом случае полагал, что подписать с ними мир можно, только уступая силе, а не демонстрируя готовность поддаться до того, как положение станет крайним.

Уже в наши дни известный российский дипломат Юлий Квицинский так оценивал поведение Троцкого: «Ни мира, ни войны», – говорил в Бресте Троцкий не потому, что не слушался Ленина, а потому, что отказ от Прибалтики, Украины, западных областей Белоруссии был страшен для большевиков, ставя на них клеймо предателей интересов России, подкрепляя обвинения в адрес Ленина как агента германского Генштаба. Почитайте Троцкого, и увидите, что ЦК РКП(б) своей тактикой «ни мира, ни войны» специально провоцировал новое наступление немцев, их приближение к Петрограду, чтобы еще раз показать народу, что иного выхода, как подписать Брестский мир, не остается...»

Выслушав заявление Троцкого, делегации Германии и Австро-Венгрии склонялись к тому, чтобы принять состояние мира де-факто. Это было выгодно немцам. Они получали возможность развернуть все силы для сражений на Западном фронте. Российская делегация вернулась в Москву в уверенности, что немцы наступать не будут.

14 февраля высший орган государственной власти – Всероссийский центральный исполнительный комитет – принял резолюцию: «Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, ВЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте».

Однако немецкое командование пожадничило и сообщило, что с 18 февраля будет считать себя в состоянии войны с Россией.

Не все в России сокрушались, когда немцы начали наступление. Напротив, нашлись люди, которые надеялись, что немцы уничтожат большевиков, и сожалели, что германское правительство идет с большевиками на союз. Знаменитая писательница Зинаида Гиппиус, люто ненавидевшая революцию, 7 февраля 1918 года записала в дневнике: «Германия всегда понимала нас больше, ибо всегда была к нам внимательнее. Она могла бы понять: сейчас мы опаснее, чем когда-либо, опасны для всего тела Европы (и для тела Германии, да, да!). Мы – чумная язва. Изолировать нас нельзя, надо уничтожить гнездо бацилл, выжечь, если надо, – и притом торопиться, в своих же, в своих собственных интересах!»

Когда немцы начали наступление, французы и англичане предложили Советской России помощь. Часть членов советского руководства была вообще против каких-либо соглашений с империалистами. Троцкий же считал, что, если предлагают помощь, надо этим воспользоваться. Ленин сформулировал решение так: уполномочить тов. Троцкого принять помощь разбойников французского империализма против немецких разбойников.

Тем не менее стало ясно, что с немцами придется договариваться, и как можно быстрее. Но немцы выставили такие условия, идти на которые казалось заведомо невозможным.

Возмущенный Ленин сказал Троцкому:

– Да, придется драться, хоть и нечем. Иного выхода, кажется, уже нет.

Но минут через пятнадцать, когда Троцкий вновь зашел к нему, Ленин уже успокоился:

– Нет, нельзя менять политику.

Эти настроения передает дневник Зинаиды Гиппиус: «Большевики совершенно потеряли голову. Мечутся: священная война! Нет, – мир для спасения революционного Петрограда и советской власти! Нет, – все-таки война, умрем сами! Нет, – не умрем, а перейдем в Москву, а возьмут Москву, – мы в Тулу, и мы... Что, наконец? Да все, – только власти не уступим, никого к ней не подпустим, и верим, германский пролетариат... Когда? Все равно когда...»

В Москве между лидерами большевиков шли ожесточенные споры. ЦК отказывался подписывать мир с немцами, а многие требовали защищать революцию с оружием в руках. Теперь условия мира стали еще хуже: Россия теряла Прибалтику и часть Белоруссии. Города Карс, Батум и Ардаган надо было отдать Турции. Признать независимость Украины, немедленно демобилизовать армию и уплатить Германии шесть миллиардов марок контрибуции.

Ленин доказывал необходимость капитуляции – никакие потери не имеют значения, можно отказаться от Польши, Финляндии, признать независимость Украины, лишь бы сохранить власть. Троцкий не соглашался с ним, но, понимая опасность ситуации, при голосовании воздержался. Ленинская точка зрения была принята. Если бы Троцкий проголосовал против позиции Ленина, немцы могли бы взять Москву и Петроград, и власть большевиков кончилась бы...

Академик Александр Николаевич Яковлев, бывший член политбюро ЦК КПСС, считал так:

– В отношении Брестского мира Троцкий занял более-менее приличную позицию. Ленин руководствовался одним – отдай хоть половину страны, но власть сохрани. А Троцкий был против мира с немцами. Дело не только в территориях, которые они могли захватить. Дело в контрибуции – и золото, и сырье поехало на Запад, к немцам. Вопрос с территориями после поражения Германии был решен, а что ушло в счет контрибуции, не вернулось, там осталось. Что же потом десятилетиями вызывало раздражение советских историков, описывавших историю заключения Брестского мира? То, что тогда члены ЦК посмели голосовать не по указанию Ленина, а по собственному разумению... Тогда еще не было ни рабского послушания, ни чиновничьего безразличия. У участников этой исторической драмы были собственные взгляды, и они считали своим долгом их защищать...

Троцкий сказал Ленину:

– Мне кажется, что политически было бы целесообразно, если бы я, как наркоминдел, подал в отставку.

– Зачем? Мы, надеюсь, этих парламентских приемов заводить не будем.

– Но моя отставка будет означать для немцев радикальный поворот политики и усилит их доверие к нашей готовности действительно подписать на этот раз мирный договор.

Лев Давидович подал в отставку. На заседании ЦК Сталин, как записано в протоколе, сказал, что «он не делает ни тени упрека Троцкому, он также оценивает момент как кризис власти, но все же просит его выждать пару дней».

В этот период Троцкий еще оставался романтиком, революционером, не столкнувшимся с кровавой практикой революции. Но они с Лениным быстро менялись. Первым это ощутил Горький. Он писал в газете «Новая жизнь»: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия... Надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата».

– Троцкий с Лениным были люди, для которых власть – это все, – говорит академик Александр Яковлев. – Ради власти они были готовы на все. Убийца ведь появляется после пер-

вой крови. И запах крови их опьянил. До этого все дискуссии носили теоретический характер. Одни говорили – лучше без насилия, другие – а чего церемониться... А тут начали убивать, и все – судьба была определена. Они уже были готовы к большой крови.

13 марта 1918 года Совет народных комиссаров постановил: «Товарища Троцкого согласно его ходатайства освободить от должности наркома по иностранным делам. Временным заместителем народного комиссара по иностранным делам назначить товарища Чичерина».

Отставка Троцкого стала облегчением и для него самого, и для Ленина, который поручил Льву Давидовичу куда более важное дело – в качестве наркома и председателя Реввоенсовета республики создавать армию.

На переговоры с немцами отправили новую делегацию. Ее возглавил член ЦК Григорий Яковлевич Сокольников. Вместе с ним поехали нарком внутренних дел Григорий Иванович Петровский и от Наркоминдела Лев Михайлович Карахан и Георгий Васильевич Чичерин.

«Делегация приехала из Петрограда особым поездом с двумя салонными вагонами, – вспоминал польский социалист Вацлав Сольский, член Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. – Карахан в это время производил впечатление восточного вельможи. Одет он был как-то особенно элегантно, все лицо закрывала большая черная борода. Но в разговоре он оказался человеком довольно простым и очень веселым».

3 марта советская делегация подписала договор с Четверным союзом. Первая мировая война для России закончилась. 22 марта договор был ратифицирован германским рейхстагом. Но большого облегчения он немцам не принес. Германские войска остались на Украине и Кавказе (в надежде добраться до бакинских вышек), в Прибалтике и Белоруссии в качестве оккупационной армии. Укрепить Западный фронт не удалось.

Никакой ненависти к Германии советское руководство не питало. Напротив, большевики проявили интерес к сближению с Берлином. Ведь немецкое правительство признало советскую власть и, более того, предлагало военное сотрудничество – против Белой армии и войск Антанты, высадившихся на территории России.

Кое-кого из большевиков сближение с Германией смутило, например Вацлава Воровского, который состоял советским представителем в Швеции. Ленин успокоил его короткой запиской: «Помощи» никто не просил у немцев, а договорились о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и Алексева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами».

По постановлению Совнаркома от 5 апреля 1918 года Адольф Иоффе поехал полпредом в Берлин. Немецким послом в Москву был назначен граф Мирбах. Судьба первых послов сложится трагически. Мирбаха в июле убьют социалисты-революционеры, которые так и не приняли Брестский мир и восстали против большевиков. Иоффе через девять лет, тяжело больной и лишенный работы как единомышленник Троцкого, застрелится.

Зинаида Гиппиус 26 апреля 1918 года записала в дневник:

«Я хочу сказать два слова не о том, будет или не будет Германия свергать большевиков, а о некотором внутреннем ужасе, новом, дыхание которого вдруг почувствовалось. Это так называемая ГЕРМАНСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ. Уже не большевики (что большевики!), но все другие слои России как будто готовы повлечься к Германии, за Германию, пойти туда, куда она прикажет, послужить ей не только за страх, но и за «порядок», если немцы его обещают, за крошечный кусок хлеба...»

Я понимаю, изнутри понимаю это склонение России к тому, что зовется «германской ориентацией»... Это измученная, заглоданная большевиками, издыхающая Россия. Одуревшая, оглуевшая, хватающаяся за то, что видит пред собой. Что, мол, союзники! Далеко союзники! У них свои дела. А Германия уже здесь, близко. Она может устроить нам власть, дать порядок, дать завтра хоть кусочек хлеба...»

Но кайзеровская Германия сама не выдержала четырехлетней войны. Первыми восстали немецкие моряки, которые требовали мира.

4 ноября кайзеровское правительство, считая, что начинающаяся революция – это результат подрывной деятельности русского большевизма, разорвало дипломатические отношения с Советской Россией и потребовало выезда из Берлина советского полпредства во главе с Иоффе. В тот же день германское правительство обратилось к державам Антанты с просьбой о перемирии.

9 ноября 1918 года страну охватила всеобщая забастовка, в Берлине шли массовые демонстрации. Моряков поддержали солдаты. Рейхсканцлер Германии принц Макс Баденский утром обнародовал сообщение об отречении от трона кайзера Вильгельма II. В час дня принц объявил и о своей отставке. Часом позже Филипп Шейдеман, один из лидеров немецкой социал-демократии, объявил о создании республики, а в четыре часа дня один из руководителей коммунистического Союза Спартака Карл Либкнехт провозгласил создание социалистической республики.

Кайзер Вильгельм ночью тайно бежал в Голландию. На следующий день Берлинский Совет рабочих и крестьянских депутатов передал власть временному правительству, главой которого стал лидер германских социал-демократов Фридрих Эберт.

В Москве торжествовали. Казалось, сбывались надежды на мировую революцию. 13 ноября ВЦИК заявил: «Условия войны с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным». Заодно аннулировались и Русско-германский добавочный договор и финансовое соглашение, подписанные в Берлине 27 августа, о выплате Россией Германии огромной контрибуции.

ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Когда большевики в октябре 1917 года приняли декрет о мире, началась стихийная демобилизация, солдаты бежали с фронта. Совнарком решил создавать новую, революционную армию. Но кого поставить во главе вооруженных сил? Требовался чрезвычайно авторитетный в партии человек с железной волей и организаторскими способностями. По существу, Ленин мог положиться только на одного человека – Троцкого.

14 марта Троцкий приступил к исполнению обязанностей наркома по военным делам и председателя Высшего военного совета, который он вскоре переименует в Революционный военный совет, РВС. Наступил его звездный час.

Троцкий в армии не служил и о военном деле имел весьма относительное представление. Но он умел учиться и сразу обратился за помощью к тем, кто дал ему правильные советы. Троцкий занял принципиальную позицию: военными делами должны заниматься профессионалы, то есть кадровые офицеры.

2 сентября 1918 года постановление ВЦИКа объявляло республику военным лагерем. В постановлении говорилось: «Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет с одним Главнокомандующим».

Троцкий смело привлекал в Красную армию бывших офицеров, отдав им почти все высшие командные посты. Выступая на VIII съезде партии, он говорил, что надо шире привлекать людей из «старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей».

В приказе Троцкого говорилось:

«1. Комиссар не командует, а наблюдает, но наблюдает зорко и твердо.

2. Комиссар относится с уважением к военным специалистам, добросовестно работающим, и всеми средствами Советской власти ограждает их права и человеческое достоинство».

По оценкам историков, в Красной армии в Гражданскую войну служило почти пятьдесят тысяч бывших офицеров. Из них более шестисот бывших генералов и офицеров Генерального штаба. Из двадцати командующих фронтами семнадцать были кадровыми царскими офицерами, все начальники штабов – бывшие офицеры. Из ста командующих армиями – восемьдесят два в прошлом офицеры.

Троцкий привлекал людей талантливых, быстро выдвигал их на высокие должности, не обращая внимания, есть ли у них партийный билет или нет. Это многим не нравилось. Одни считали, что Троцкий, продвигая бывших офицеров, отступает от принципов революции. Другие сами метили на высшие должности и хотели избавиться от конкурентов. На этой почве у Троцкого появилось много врагов. Главным среди них был Сталин, вокруг которого объединялись обиженные Троцким красные командиры.

Так зародилась ненависть, которая закончится только со смертью Троцкого. Отстраняя Сталина от принятия ключевых военных решений, он и не понимал, с каким опасным противником имеет дело. Самоуверенность – опасное качество.

Хотя в девяти случаях из десяти Ленин его поддерживал, Троцкий все равно оставался недоволен, когда политбюро в его отсутствие (он почти постоянно находился на фронте) принимало решение, которое ему не нравилось. Он тоже подавал в отставку с поста члена политбюро и председателя Реввоенсовета и наркома: «Условия моей работы на фронтах лишают меня возможности постоянного участия в работе военного центра и Политбюро ЦК. Это, в свою очередь, лишает меня нередко возможности брать на себя ответственность перед партией и работниками военного ведомства за ряд шагов центра, которые я считаю рискованными и прямо опасными нарушениями военной системы, у нас установившейся и одобренной съездом партии».

Ленин тут же набросал проект совместного постановления оргбюро и политбюро:

«Орг– и Политбюро ЦКа сделают все, от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для тов. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам тов. Троцкий...»

Орг– и Политбюро ЦКа предоставят тов. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе, и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии.

Твердо убежденные, что отставка тов. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг– и Политбюро ЦКа настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять свои функции...»

17 мая 1919 года Ленин отправляет Троцкому телеграмму: «Политбюро ЦК всецело поддерживает решительность и одобряет Ваши планы...» Понятно, почему такие документы в сталинские времена хранились за семью печатями.

Когда вышел очередной спор в политбюро и Троцкий возмущился принятым решением, то Ленин поспешил все уладить. 17 июня 1919 года Ленин пишет записку Каменеву: «Мы категорически протестуем против всякой попытки найти или усмотреть в этом нашем заявлении что-либо обидное для Троцкого. Напротив, мы настойчиво подчеркиваем, что руководствовались всецело и исключительно соображениями о международном значении товарища Троцкого вообще и его роли в советской и партийной работе в РСФСР».

«ПРОШУ ДАТЬ МНЕ ОТПУСК»

Из войны Лев Троцкий вышел в ореоле победителя. Он создал армию, он разгромил контрреволюцию и обеспечил безопасность страны. Всю войну он провел на фронтах. Его

поезд стремительно перемещался по стране – Троцкий отправлялся туда, где революции грозила опасность. Никто не мог отказать ему в смелости и решительности.

Вот каким Троцкий запомнился британскому дипломату Роберту Брюсу Локкарту, которого после революции отправили в Москву для налаживания неофициальных контактов с правительством большевиков:

«Я имел случай убедиться в физической смелости Троцкого. Я разговаривал с ним в военном комиссариате на площади позади храма Спасителя. Вдруг в комнату влетел его помощник в состоянии совершенной паники. Снаружи собралась огромная толпа вооруженных матросов. Им не платили жалованья, или оно было недостаточно. Они желали видеть Троцкого. Если он не выйдет, они разнесут дом.

Троцкий тотчас же вскочил со сверкающими глазами и вышел на площадь. Он не сделал попытки уговорить матросов. Он обрушился на них с яростной руганью. Это были «псы, недостойные флота, который сыграл такую славную роль в революции». Он рассмотрит их жалобы. Если они справедливы, они будут удовлетворены. Если нет, он заклеит их как предателей революции. Они должны вернуться в казармы, или он отберет у них оружие и лишит их прав. Матросы поплелись обратно, как побитые дворняжки, а Троцкий вернулся ко мне продолжать прерванный разговор...

Он производит удивительно сильное впечатление, пока сохраняет самообладание. У него прекрасная свободная речь, и слова льются потоком, который кажется неиссякаемым. Это был человек действия... Он разбивал своих оппонентов с решимостью и явным удовольствием. Он вызывал необыкновенный энтузиазм.

Май 1918 года начался внушительным парадом Красной армии на Красной площади. Троцкий принимал парад в присутствии дипломатических представителей... В этих плохо одетых, неорганизованных людях, которые маршировали мимо него, была несомненная живая сила. На меня это произвело сильное впечатление».

Эту способность Троцкого справляться с толпой высоко ценил Ленин. Когда в Саратове восстала Уральская дивизия, Ленин и Свердлов попросили Троцкого немедленно отправиться туда, «ибо Ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию».

Лев Давидович, бесспорно, был вторым человеком в стране, и в советских учреждениях висели два портрета – Ленина и Троцкого.

«В годы войны в моих руках сосредоточивалась власть, которую практически можно назвать беспредельной, – не без удовольствия вспоминал потом Троцкий. – В моем поезде заседал революционный трибунал, фронты были мне подчинены, тылы были подчинены фронтам, а в известные периоды почти вся не захваченная белыми территория республики представляла собой тылы и укрепленные районы».

Ленин доверял Троцкому полностью. Летом 1919 года Ленин сделал фантастический для себя, такого хладнокровного человека, жест. Он взял бланк председателя Совета народных комиссаров и написал на нем:

«Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов-Ленин».

Ленин добавил:

– Я вам даю такой бланк и могу дать их вам сколько угодно, потому что я ваши решения заранее одобряю. Вы можете написать на этом бланке любое решение, и оно уже утверждено моей подписью.

В последние годы открылись не только записки, но и целые речи, произнесенные Лениным в поддержку и защиту Троцкого от критических нападок товарищей по партии. Он считал военное ведомство образцовым. При Ленине эти документы были секретными, а при Сталине – и после него – ничего хорошее о Троцком сказано быть не могло.

Об отношении Ленина к Троцкому лучше всего говорят слова самого Ленина, записанные Горьким:

– А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть... Да, да, я знаю. Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много, и, кажется, особенно много обо мне и Троцком...

На месте создателя армии Лев Давидович был на месте – тут-то и пригодились его бешеная энергия, природные способности к организаторской деятельности, интеллект, мужество, решительность и жестокость. Всю войну Троцкий железной рукой держал армию. А после войны он остался не у дел. Создается ощущение, будто ему стало скучно. Напряжение борьбы спало, и его охватила какая-то вялость. Обычная повседневная работа или аппаратное интриганство – это было не для него. Он не знал, чем заняться.

Ленин искал Троцкому занятие. 16 июля 1921 года Ленин предложил назначить его наркомом продовольствия Украины, где свирепствовал голод. Троцкий не захотел. Ленин велел отменить постановление политбюро. Ленин предлагал ему пост своего заместителя в правительстве. Троцкий вновь отказался. Ему не хотелось быть заместителем. На посту председателя Реввоенсовета он привык к полной самостоятельности. Но война кончилась, и другой такой должности не было.

В конце января 1922 года Троцкий написал заявление в политбюро:

«Я не хотел просить отпуска до февраля – марта, хотя за последние полтора-два месяца бессонница и невралгия головы сильно меня парализует.

Отчасти я предполагал провести месяц на положении полуотдыха. Но сейчас я вынужден просить о немедленном отпуске. Производительность моей работы минимальна, как по причине нездоровья, так и по причине «клячкообразного» характера самой работы: множество разрозненных поручений, отнимающих время главным образом на переход от одного к другому, причем, по глубочайшему моему внутреннему убеждению, почти каждое из этих поручений политбюро или оргбюро могло бы быть выполнено легче и лучше тем, кому этим ведать надлежит.

Помимо физического расходования времени, я психически не выношу этого режима, как не выношу окурков на лестнице.

Из-за этого непрерывного и, по-моему, бессмысленного расхищения моего рабочего времени я нахожусь в состоянии постоянной неуверенности и тревоги, что совершенно парализует мою работоспособность.

Прошу политбюро дать мне месячный отпуск».

Отпуск ему дали, но с условием, что он сохранит контроль за военными делами и Гохраном, а заодно напишет брошюру «Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии».

Армейские проблемы все меньше интересовали Троцкого. Он провел демобилизацию и думал о том, как использовать вооруженные силы в восстановлении экономики. В 1920–1921 годах шла дискуссия о будущем армии. Победитель Врангеля Михаил Васильевич Фрунзе, которому предстояло сменить Троцкого в военном ведомстве, исходил из того, что армия должна быть классовой, пролетарской, а военная доктрина – опираться на опыт Гражданской войны.

Многие военные теоретики утверждали, что Красная армия создала свою пролетарскую стратегию. Троцкий возражал: не может быть какой-то особой пролетарской военной науки.

Он ехидно замечал: «Тот, кто думает, что с помощью марксизма можно наладить производство на свечном заводе, слабо разбирается и в марксизме, и в изготовлении свечей».

В статье «Военная доктрина или мнимовоенное доктринерство» Троцкий призывал учить командиров проявлять инициативу на поле боя, думать самим, а не заглядывать по каждому поводу в уставы и инструкции. Военные историки обращают внимание на то, что Троцкий от всех требовал учиться, даже на фронте в момент затишья. Доказывал, что нельзя считать огромные потери проявлением военного искусства. Критерий военного искусства – достижение наибольших результатов с наименьшей тратой сил.

23 февраля 1921 года Троцкий писал Ленину: «Владимир Ильич, у нас сейчас в партийно-военных кругах идет дискуссия по вопросу о военной доктрине. Думаю, что в последнем счете от дискуссии будет польза, но сейчас много ахинеи и отсебятины. В частности, против Красной армии выдвигается обвинение в том, что в ее «военную доктрину» (вокруг этого напыщенного словечка и крутится весь спор) не входит идея наступательных революционных войн...»

Общение с профессиональными военными пошло Троцкому на пользу. Троцкий увидел, что зарождающаяся советская военная наука недооценивает оборону. Он писал, что одним «фактором наступления еще не обеспечивается успех». Армию надо учить и обороняться. Надеяться на победу мировой революции пока нет оснований.

Но с уходом Троцкого из вооруженных сил пренебрежение к обороне усилилось. В дальнейшем это привело к тому, что Красная армия вступила во Вторую мировую войну, не умея вести оборонительных операций. Командиры просто не знали принципов оборонительного боя, штабы не понимали, что такое маневренная оборона. Цена этим теоретическим дискуссиям станет ясной в 1941 году.

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

26 мая 1922 года у Ленина случился удар – частичный паралич правой руки, ноги, расстройство речи. Через полгода, 16 декабря, второй удар. В узком кругу Сталин хладнокровно сказал:

– Ленину капут.

Иосиф Виссарионович несколько поторопился. Владимир Ильич оправился, но к полноценной работе уже не вернулся. Все партийное хозяйство оказалось в руках Сталина. Его ближайший помощник Амаяк Назаретян по-дружески писал Серго Орджоникидзе: «Ильич совсем поправился. Ему разрешено немного заниматься. Не беспокойтесь. Сейчас совсем хорошо. Вчера Коба был у него. Ему приходится бдиль Ильича и всю матушку Расею».

Ленин скоро осознал, что ему не на кого опереться. В эти месяцы Ленин обращается к Троцкому, как к союзнику и единомышленнику. Когда разгорелась дискуссия о внешней торговле, мнения Ленина и Сталина разошлись.

12 декабря 1922 года Ленин написал своим единомышленникам: «Ввиду ухудшения своей болезни я вынужден отказаться от присутствия на пленуме. Вполне сознаю, насколько неловко и даже хуже, чем неловко, поступаю по отношению к Вам, но все равно выступить сколько-нибудь удачно не смогу.

Сегодня я получил от тов. Троцкого прилагаемое письмо, с которым согласен во всем существенном, за исключением, может быть, последних строк о Госплане. Я напишу Троцкому о своей согласии с ним и о своей просьбе взять на себя ввиду моей болезни защиту на пленуме моей позиции».

15 декабря Ленин информировал Сталина, что заключил «соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли... и уверен, что Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я». Это напомнило Сталину о том, чего боялся больше всего, –

о блоке Ленина с Троцким. Сталин тут же отказался от своей прежней позиции, чтобы не оказаться под двойным ударом.

Вскоре Ленин вновь обратился к Троцкому за помощью, по существу предлагая ему союз против Сталина: «Уважаемый товарищ Троцкий. Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем наоборот. Если бы вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным...»

Состояние Ленина стремительно ухудшалось. 23 декабря он начал диктовать знаменитое «Письмо к съезду», которое воспринимается как завещание. Первая, более безобидная, часть «Письма» касалась необходимости увеличить состав ЦК и «придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя навстречу требованиям тов. Троцкого».

Затем Ленин продиктовал главную часть завещания, где охарактеризовал главных лидеров партии – Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова. Все характеристики очень жесткие, разоблачительные. Троцкого и Сталина он назвал «выдающимися вождями» партии, но предположил, что их столкновение погубит партию. По мнению Ленина, «тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Тов. Троцкий... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

4 января 1923 года Ленин продиктовал добавление к письму: «Сталин слишком груб... Этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив... меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью... Но с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

После Гражданской войны отношения Ленина и Троцкого усложнились. Пока шла война, у них практически не было разногласий. Когда встал вопрос, как восстанавливать нормальную жизнь, начались споры, иногда очень жесткие. Впрочем, и Ленин и Троцкий считали споры и дискуссии естественным и необходимым делом. На личных отношениях это не отражалось.

В середине июля 1922 года уже тяжело больной Ленин, откликаясь на какое-то обострение отношений в политбюро, писал Каменеву: «Выкидывать за борт Троцкого – ведь на то Вы намекаете, иначе нельзя толковать – верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...»

На одном партийном совещании во время XI съезда партии в марте 1921 года Ленин говорил, что, несмотря на разногласия, «мы с Троцким сойдемся». И тут же добавил: «Он в аппарат влюблен, а в политике ни бе ни ме». Троцкий, наверное, обиделся, узнав, что о нем говорил Владимир Ильич. Но Ленин был недалеко от истины...

Почему Троцкий вел себя так вяло и безынициативно, когда Ленин фактически вытеснял его на первые роли? Троцкий оказался наивен, он не верил в то, что его могут свергнуть с вершины власти. Он по-настоящему не стремился к первой роли. Ему нравилась роль мудреца, который с недостижимой вершины взирает на происходящее. Он не был охвачен той неугасающей страстью к власти, поэтому и проиграл.

Завещание Ленина, как его ни толкуй, содержит только одно прямое указание: снять Сталина с должности генсека, остальных менять не надо, хотя Ленин и указал – довольно болезненным образом – недостатки каждого из самых заметных большевиков. Но Сталин – един-

ственный, кто остался на своем месте. Остальных он со временем уничтожил. Более того, само завещание Ленина стали считать троцкистским документом, чуть ли не фальшивкой.

Троцкий, окруженный множеством восторженных поклонников, не считал нужным готовить себе базу поддержки. Он не понимал, что это необходимо. За послереволюционные годы он так привык к аплодисментам, восторженному приему, восхвалениям, что искренне считал – так будет всегда.

Троцкий обладал даром увлекать за собой людей и не меньшим даром рождать врагов. Сталин и другие видные партийные деятели просто ненавидели его. Троцкий же сторонился этих людей и в итоге остался в одиночестве.

Его положение в партии зависело от Ленина. Когда Ленин умер, его звезда закатилась.

И по сей день историки ведут споры, кто же был вторым человеком в стране и партии после Ленина – Сталин или Троцкий? Рассекреченные спецсводки ОГПУ, которые после смерти Ленина составлялись ежедневно, свидетельствуют о том, что народ считал наследником Троцкого: «Население не верит, что Троцкий болен... Среди масс наблюдается недовольство тем, что тов. Троцкий отстранен... В связи с партдискуссией и болезнью тов. Троцкого ходят толки, что портреты тов. Троцкого уничтожаются, что тов. Троцкий выступает против коммунистов ввиду того, что угнетают рабочих, что он арестован и находится в Кремле...»

Имя Сталина в спецсводках не упомянуто ни разу. В народе его мало знали. Именно потому, что Троцкий многим казался законным преемником Ленина, он вызывал страх и ненависть у товарищей по политбюро. Они все сплотились против Троцкого. И Зиновьев, и Каменев, и другие подозревали, что, если Лев Давидович станет во главе партии и государства, он выбросит их из партийного руководства. Поэтому недавние соратники сделали ставку на Сталина, ненавидевшего Троцкого. И тем самым подписали себе смертный приговор – со временем Сталин их всех уничтожит...

В конце 1923 года Троцкого фактически изолировали. Шесть остальных членов политбюро собирались без него и все решали, на официальное заседание выносилось уже готовое решение. Если Троцкий возражал, он оставался в полном одиночестве. Он пытался сопротивляться, говорил, что в партии исчезает демократия, дискуссии становятся невозможными, партийные организации привыкают к тому, что не избранные, а назначенные сверху секретари ими просто командуют.

5 октября 1923 года Троцкий написал письмо в политбюро, в котором писал, что «секретарскому бюрократизму должен быть положен предел... Партийная демократия должна вступить в свои права, без нее партии грозит окостенение и вырождение».

Верх в партии брали именно секретари, но в партийных массах Троцкий все еще был популярен. И политбюро вынуждено было заявить: «Будучи несогласным с тов. Троцким в тех или иных отдельных пунктах, политбюро в то же время отмечает как злой вымысел предположение, будто в ЦК партии есть хотя бы один товарищ, представляющий себе работу политбюро, ЦК и органов государственной власти без активнейшего участия тов. Троцкого...» Это означало, что исход борьбы был еще неясен.

Но в решающий момент Троцкий сам вышел из игры, сильно заболев осенью 1923 года – после охоты на уток. Пока он лежал в постели, Сталин, Зиновьев и Каменев убирали сторонников Троцкого со всех ответственных постов.

Из армии забрали многих видных политработников – сторонников Троцкого. Их разбрасали по всей стране. Антонова-Овсеенко на посту начальника политуправления сменил Андрей Сергеевич Бубнов, который до этого заведовал Отделом агитации и пропаганды ЦК партии. Первым делом Бубнов приказал исключить из программы политзанятий беседу с красноармейцами на тему «Вождь Красной армии тов. Троцкий».

Председатель Центральной контрольной комиссии, то есть глава партийной инквизиции, Валериан Владимирович Куйбышев откровенно сказал Троцкому:

– Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но не можем вас объявить врагом; вот почему мы вынуждены прибегать к таким методам.

Пока Троцкий лежал с температурой и молчал, страну мобилизовали на борьбу с троцкизмом. Он вернулся в Москву только во второй половине апреля 1924 года, когда Ленина уже похоронили, а его, по существу, лишили власти. Но может быть, это жестоко – укорять Троцкого за бездействие, если он был так болен, что не мог подняться с постели? Чем же он был болен? Его преследовала какая-то таинственная инфекция, у него постоянно держалась высокая температура. Поразительно, что лучшие врачи того времени так и не смогли поставить правильный диагноз.

Весной 1926 года политбюро позволило Троцкому отправиться в Берлин – он надеялся с помощью немецких врачей избавиться от преследовавшей его температуры. Немецкие врачи постановили вырезать миндалины. Операция делалась без наркоза. Троцкому собирались связать руки, как это было принято тогда, но он вынес операцию стоически. Через некоторое время температура опять повысилась и никак не желала спадать.

По мнению врача и писателя Виктора Тополянского, вождь и организатор Красной армии страдал неврозом. Преследовавшая Троцкого лихорадка – психосоматический феномен, встречающийся у впечатлительных и сверхэмоциональных людей. Таким Лев Давидович и был. Известно, что он иногда даже терял сознание, падал в обморок.

Пока Троцкий был занят полностью поглощавшим его делом, пока он готовил вооруженное восстание в Петрограде или сдерживал напор Белой армии, он не болел. Ни о каких неврозах не могло быть и речи. А когда война закончилась, в его жизни образовалась пустота. И он стал болеть...

Это предположение подкрепляется словами Георгия Валентиновича Плеханова, писавшего о Троцком: «Он обладает взрывным характером и при успехе может сделать очень многое в короткое время, но при неудаче легко впадает в апатию и даже растерянность».

В конце 1924 года в Кисловодске он написал большой очерк «Уроки Октября», который наносил удар по революционной репутации лидеров партии – и Сталина, и Зиновьева, и Каменева, поскольку их роль в октябрьских событиях выглядела весьма незначительной. Поэтому Зиновьеву и Каменеву не терпелось вывести Троцкого из политбюро. Но осторожный и неторопливый Сталин счел необходимым для начала убрать Троцкого из Вооруженных сил. 26 января 1925 года президиум ЦИК освободил Троцкого от должности наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета.

Как же тогда в армии относились к Троцкому?

Через четырнадцать лет, в феврале 1937 года, на пленуме ЦК, когда речь зашла о военном заговоре в армии, нарком обороны Климент Ворошилов говорил:

– Троцкому к 1923 году удалось – об этом нужно прямо сказать – с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной армии. В 1923–1924 годах троцкисты имели за собой, как вы помните, об этом помнить следует, почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа ВЦИКа, артиллерийская школа, а также большинство других частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого...

Когда летом 1926 года хоронили Дзержинского, Троцкий еще стоял на трибуне. Вид у него был весьма печальный. Прощальное слово произнес генеральный секретарь.

Освобожденный от должности наркомвоенмора, Троцкий изъявил желание поработать в промышленности. Его назначили членом президиума Высшего совета народного хозяйства. Отраслевых наркоматов тогда не было, и ВСНХ занимался всей промышленностью. Троцкий возглавил Главконцесском и Научно-техническое управление ВСНХ. Он также возглавлял комиссию по строительству Днепрогэса и много сделал для того, чтобы гидроэлектростанция

быстрее вошла в строй. Сталин выступал против и в апреле 1926 года укорял Троцкого за то, что он потратил так много средств на ДнепрогЭС. Когда Троцкого отстранили от всего, Сталин переменял свой взгляд и стал считать строительство ГЭС важнейшей задачей.

В октябре 1926 года Троцкий перестал быть членом политбюро. Это послужило сигналом к тому, что вся партийная машина обрушилась на него всей своей силой. В этой борьбе не гнушались ничем. Пораженный происходящим Антонов-Овсеенко писал о «безыдейных нападках на Троцкого, на того, кто в глазах самых широких масс является вождем, организатором и вдохновителем победы революции».

Но Троцкий сталинским соколам оказался не по зубам. В июне 1927 года Троцкого вызвали на заседание Центральной контрольной комиссии и обвинили в нарушении партийной дисциплины. Прочитав стенограмму, Сталин, который в те дни отдыхал, был возмущен и писал Молотову: «Получается впечатление сплошного конфуза для ЦКК». Допрашивал и обвинял Троцкий, члены комиссии ничего не могли противопоставить его аргументам. Однако судьба Троцкого решалась не в открытой дискуссии, а в тиши секретарских кабинетов.

Выступления Троцкого на митингах и собраниях оппозиции срывались. Даже на пленуме ЦК его пытались стащить с трибуны, товарищи по партии бросали в него книгами, стаканами. Удивительно, что митинги и собрания оппозиции еще проходили – люди не понимали, что происходит. В основном в них принимали участие учащая молодежь, студенты, которые жаждали полнокровной политической жизни, борьбы различных мнений, которым Троцкий импонировал своей критикой партийной бюрократии.

Сталин спешил избавиться от людей, которые постоянно говорили: «Когда я беседовал с Лениным» или «Ленин сделал бы это по-другому». Сталин долго не знал, как поступить с Троцким. О том, чтобы арестовать его, не могло быть и речи. Страна еще не была готова признать ближайшего ленинского соратника врагом.

В начале июня 1927 года Сталину пришла в голову мысль: а не отправить ли бывшего наркоминдела Троцкого, который еще оставался членом ЦК, послом в Японию – подальше от Москвы? Он даже предложил это в письме Молотову. Но сам понял, что Троцкий не примет такого назначения.

Осенью 1927 года на партийных конференциях показывали документальный фильм, снятый к десятилетию революции. На экране постоянно возникал Троцкий – в октябрьские дни, в Брест-Литовске, на фронте, и зал в темноте взрывался аплодисментами. Его героический ореол еще не исчез.

В ноябре 1927 года его исключили из партии. На следующий год отправили в ссылку в Алма-Ату. Но его присутствие по-прежнему мешало Сталину. Иосиф Виссарионович ненавидел, но все еще и боялся этого человека. 18 января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ оформило принятое политбюро решение о высылке Троцкого из страны (но только через три года, в 1932-м его лишат советского гражданства).

Троцкого с семьей на поезде доставили в Одессу. Архив и библиотеку заранее погрузили на борт парохода «Ильич». 10 февраля 1929 года Троцкого привезли на пароход. Капитан получил запечатанный конверт с указанием вскрыть в море.

СОН В МЕКСИКАНСКУЮ НОЧЬ

Приют Троцкий смог найти только в Мексике, далекой от основных политических битв того времени. Его сторонники были постепенно уничтожены. После убийства Кирова в 1934 году в аппарате госбезопасности по всей стране были сформированы подразделения, которые занимались троцкистами. Сталин называл троцкистов «оголтелой и беспринципной бандой вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств». На московских процессах будут говорить, что Троцкий вме-

сте с Гитлером и при помощи Тухачевского готовил расчленение Советского Союза и восстановление власти буржуазии.

Троцкий в эмиграции писал очень много и не всегда точно. Но несколько его исторических прогнозов сбылись. В 1931-м он предсказал, что фашисты могут прийти к власти в Германии. В 1933-м – что Гитлер готовится к войне.

А в Москве готовились иметь дело с фюрером. Как раз в 1933 году политбюро приняло решение:

«а) Считать целесообразной остановку т. Литвинова в Берлине и не отказываться от беседы с Нейратом (министр иностранных дел. – Л. М.) или если пожелает Гитлер, то и с ним.

б) В случае, если немцы будут предлагать подписать протокол о том, что все конфликты улажены, идти на это можно при условии, если они публично в той или иной извиняющейся форме выразят сожаление по поводу ряда неправильных действий германских властей в конфликте о журналистах. Если же они протокола требовать не будут, то ограничиться беседой в тоне, дающем им понять, что мы не намерены углублять конфликт и готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений».

В своих заметках Троцкий полагал, что со временем возникнут Соединенные Штаты Европы, что между европейскими странами исчезнут таможенные преграды и законодательство станет единым.

Весной 1939 года Троцкий писал, что Сталин созрел для союза с Гитлером. Осенью этот союз, вызвавший изумление во всем мире, был заключен. 2 сентября 1939 года Троцкий предупреждал, что через два года Гитлер нападет на Советский Союз. И двух лет не прошло, как этот трагический прогноз оправдался...

Весной 1940 года в своем завещании Троцкий писал: «Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом... При каких бы обстоятельствах я ни умер, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее». Он был уже тяжело болен: «Если склероз сосудов примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность... то я сохраняю за собой право самому определить срок своей смерти».

Но Сталин избавил его от необходимости принимать это трудное решение. Сторонников по всему миру у Троцкого было не так уж много, притягательная сила его идей слабла. Но Сталину казалось, что бывший председатель Реввоенсовета по-прежнему опасен. Убить Троцкого, который после изгнания из России жил в Мексике, было страстным желанием Сталина. Мало кого он ненавидел так сильно, как Троцкого.

В конце мая 1940 года было совершено первое покушение на Троцкого. Два десятка человек в полицейской форме разоружили охрану его дома в Койоакане (неподалеку от Мехико), забросали дом взрывчаткой и обстреляли из пулеметов. Троцкий чудом остался жив, но с того дня жил в атмосфере обреченности. Каждое утро он говорил жене:

– Видишь, они не убили нас этой ночью, а ты еще чем-то недовольна.

Но, как говорил товарищ Сталин, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики-ленинцы. На роль исполнителя нашли испанца Рамона Меркадера. Выпускник кулинарного училища, он работал в отеле «Ритц» в Барселоне, где его завербовали советские разведчики. Его мать Мария Каридад тоже была агентом НКВД.

Уже через пять дней после первого покушения будущий убийца проник в дом Троцкого. Он называл себя Жаком Морнаром, сыном бельгийского дипломата, а пользовался фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона.

20 августа Меркадер пришел к Троцкому, несмотря на жару, в плаще и шляпе и попросил прочитать его статью. Когда Троцкий взялся за чтение, Меркадер вынул ледоруб (еще у него с собой был молоток и пистолет) и, закрыв глаза, со всей силой обрушил его на голову Троцкого. Он надеялся убить Троцкого одним ударом и убежать. Но Троцкий вступил с ним в борьбу. И

от растерянности Меркадер даже не сумел воспользоваться пистолетом. Услышав шум, вбежали охранники и схватили убийцу.

На следующий день Троцкий умер в больнице. Проститься с ним пришло триста тысяч человек. Убили и почти всю семью Троцкого. В этом тоже соблюдался сталинский принцип – за врага отвечают все его родные.

Один из сыновей Троцкого инженер Сергей Седов (оба сына носили фамилию матери, не хотели незаслуженно пользоваться славой отца) занимался не политикой, а наукой. Он отказался уехать с отцом, остался в Советской России. Он преподавал в Высшем техническом училище в Москве, подчеркнуто не участвовал даже в разговорах на политические темы, наивно полагая, что к нему у власти претензий быть не может.

Разумеется, это его не спасло. В 1936 году Сергея Седова для начала отправили в ссылку в Воркуту. Потом новый арест – и расстрел. Расстреляли также обоих зятьев Троцкого. Одна его дочь умерла от чахотки в 1927-м в Москве, вторая – в 1933-м в Берлине. Третья сидела с 1937-го в Сибири, но выжила. Только в 1961 году, когда ей исполнилось восемьдесят семь лет, КГБ перестал за ней следить.

Второй сын Троцкого – Лев Седов унаследовал от отца бойцовский характер. Он последовал за родителями в эмиграцию и стал верным помощником отца. Он жил в Париже и пытался сплотить единомышленников, не подозревая, что окружен осведомителями советской разведки. В начале 1938 года его оперировали по поводу аппендицита. Операция прошла благополучно, но через четыре дня его состояние ухудшилось. Пришлось делать повторную операцию. 16 февраля Лев Седов умер в парижской клинике. Мало кто сомневался в том, что его смерть – дело советской разведки.

Лев Троцкий был одним из отцов-основателей Советского государства. Ему судьба щедро отпустила славы и восторгов, несчастий и горя, писал его биограф Исаак Дойчер. Троцкий видел, как осуществились его самые смелые мечты, как мгновенно реализовывались его идеи, он был триумфатором. И он видел крушение всех своих надежд и собственное падение.

В конце жизни Лев Давидович по-иному посмотрел на Ленина. Он жалел, что так много спорил с ним. Историки говорят, что Ленин несколько настороженно относился к Троцкому, потому что он недолюбливал идеалистов, предпочитал практиков, которым ничто не мешает делать повороты на крутой дороге истории.

Троцкий отличался от Ленина (и от Сталина) тем, что не являлся фанатиком власти. Троцкий в определенной степени остался романтиком. Во всяком случае, из первой плеяды победителей он единственный сохранил веру в марксизм и революцию.

Незадолго до того, как его убили по приказу Сталина, Троцкий записал в дневнике: «Прошлой ночью мне приснилось, что я разговаривал с Лениным. Он с тревогой спрашивал о моей болезни: «У вас нервное утомление, вы должны отдохнуть. Вы должны серьезно посоветоваться с врачами». Я рассказал Ленину о своей поездке в Берлин на лечение в 1926 году и хотел добавить: это случилось после вашей смерти, но сдержался и заметил: это было после вашей болезни».

Как странно... В конце жизни в своих снах и грезах Лев Троцкий, демон революции, как его любили называть, видел себя под защитой заботы и любви Ленина.

В Европе, прежде всего во Франции, по-прежнему существует троцкистское движение. А на родине Троцкого одни считают его злейшим врагом Ленина, революции и советской власти, другие, напротив, фанатиком-русофобом, вознамерившимся разрушить Россию во имя мировой революции. Однако Троцкий считал, что построение социализма возможно только одновременно со всей Европой. Отсюда многие историки делают вывод, что Россия Троцкого не интересовала, а Сталин, напротив, думал только о России. И что Троцкий презирал русскую

культуру, а Сталин ценил. Но Сталин планомерно уничтожал русскую интеллигенцию, а Троцкий всего лишь писал литературнокритические статьи о писателях и поэтах.

И по сей день Лев Троцкий остается для многих демоном революции, историческим врагом России или просто самим Сатаной, предводителем мирового еврейства и погубителем страны. Десятилетиями авторы, не скрывающие своего антисемитизма, пишут о том, что жестокость Троцкого объясняется его еврейским происхождением: он не жалел ни Россию, ни русских.

А кем считали его некоторые современники? Еще в январе 1918 года в газете «Петроградский голос», критически относящейся к большевикам, известный писатель Александр Амфитеатров опубликовал статью под названием «Троцкий великоросс». Он полемизировал с обычной оценкой – Троцкий «инородец», чужой для России человек. Амфитеатров писал, что «Троцкому, напротив, не хватает традиционных еврейских черт – осторожности, образования, умения приспосабливаться к обстоятельствам. Беда как раз в том, что Троцкий слишком хорошо усвоил типичные черты великоросса, причем великоросса-шовиниста: похвальба, драчливость, нахрапистость, легкомыслие, злоба, умение утереться».

На самом деле национальность имела для Троцкого столь же малое значение, как для Дзержинского или Сталина. Эти люди не чувствовали себя ни евреями, ни поляками, ни грузинами. Они считали себя выше национальностей и ставили перед собой задачи всемирного характера. Выбирая себе друзей и врагов, они отнюдь не руководствовались этническими принципами. Не случайно маленький сын Сталина по секрету сказал сестре: «А наш папа раньше был грузином...» Поздний антисемитизм Сталина, выселение им целых народов – явление другого порядка.

Люди, которые ненавидят Троцкого, говорят: слава богу, что не он пришел к власти, а то было бы хуже, чем при Сталине... А разве могло быть хуже?

Глава 2

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЧЕРИН. ЧЕЛОВЕК НЕ ОТ МИРА СЕГО

Весной 1934 года в Наркомате иностранных дел бдительные чекисты раскрыли заговор гомосексуалистов. Госбезопасность заботила не сама по себе сексуальная ориентация дипломатов, хотя Лубянка взяла на себя и заботу о чистоте нравов государственного аппарата. Люди нетрадиционной ориентации были признаны потенциальными врагами советской власти. Возможно, потому, что вербовщики советской разведки первыми сообразили, как удобно набирать агентов среди гомосексуалистов. Во-первых, люди, вынужденные вести двойную жизнь, умеют хранить тайну. Во-вторых, они легко находят интересующих разведку людей внутри гомосексуального братства. А в постели выведываются любые секреты.

В Англии в начале тридцатых годов братство гомосексуалистов-леваков называлось Гоминтерном. Советская разведка воспользовалась услугами одного из них, ставшего впоследствии наиболее эффективным ее агентом, – англичанина Гая Берджесса, друга и соратника знаменитого Кима Филби. Первым заданием Берджесса было завербовать сотрудника британского военного министерства, что он легко и сделал, вступив с объектом в интимную связь.

Ветераны советской разведки иногда обижаются, когда об их агентах пишут иначе, чем в самых восторженных тонах. Но, увы, подлинная история спецслужб даже героев рисует не самым привлекательным образом. Комплексы, вызванные сексуальными отклонениями, семейными проблемами, обида на весь белый свет за то, что не оценили, не признали, трудности с карьерой, тайное желание повелевать окружающими – вот что привело целую когорту молодых людей на Западе в руки вербовщиков...

Но если советская разведка так умело вербовала гомосексуалистов, то подобное могли делать и другие спецслужбы – вот такая нехитрая мысль руководила чекистами. И кружок гомосексуалистов превратился в шпионское гнездо. Первым был арестован заведующий протокольным отделом Наркомата иностранных дел Дмитрий Тимофеевич Флоринский. Заместитель председателя ОГПУ Яков Саулович Агранов докладывал генеральному секретарю Сталину:

«ОГПУ при ликвидации очагов гомосексуалистов в Москве выявлен, как гомосексуалист, зав. протокольной частью НКВД Флоринский Д.Т.

Вызванный нами Флоринский подтвердил свою принадлежность к гомосексуалистам и назвал свои гомосексуальные связи, которые имел до последнего времени с молодыми людьми, из них большинство вовлечено в гомосексуальные отношения впервые Флоринским.

Вместе с этим Флоринский подал заявление на имя Коллегии ОГПУ, в котором он сообщил, что в 1918 году являлся платным немецким шпионом, будучи завербованным секретарем германского посольства в Стокгольме...

Мы считаем необходимым снять Флоринского с работы в НКВД и привлечь его к ответственности».

Флоринский, сын ректора Киевского университета Тимофея Флоринского, расстрелянного большевиками в 1919 году, был профессиональным дипломатом. До революции он окончил юридический факультет Киевского университета и поступил в Министерство иностранных дел. Работал в посольстве в Константинополе и в Рио-де-Жанейро. В 1920 году Флоринского взяли в Наркоминдел. Он руководил протокольной частью и одновременно отделом Скандинавских стран. Все знали, что Флоринский был человеком Георгия Васильевича Чичерина, который возглавлял Наркомат иностранных дел с 1918 по 1930 год.

Сталин отреагировал так:

«1. Предлагаю принять предложение ОГПУ (НКВДдела).

2. Поручить тов. Кагановичу проверить весь состав служащих аппарата НКВД и доложить о результатах в ЦК».

Проверка сексуальной ориентации советских дипломатов вылилась в элементарную чистку кадров наркомата. Госбезопасность готовила большое дело по обвинению дипломатов в шпионаже. Судя по всему, в центре заговора собирались поставить самого Георгия Васильевича Чичерина, которого тоже считали гомосексуалистом.

Странный, одинокий, замкнутый Чичерин всегда избегал женщин и жил анахоретом. Его единственным другом был поэт и музыкант Михаил Кузмин, утонченный эстет, которого Анна Ахматова называла своим учителем. Кузмин – одно из самых громких имен Серебряного века русской поэзии. Он не скрывал своих гомосексуальных предпочтений и считался певцом однополый любви. Свою нежную дружбу Чичерин и Кузмин пронесли через всю жизнь. Они родились и умерли в один год.

Но самого Чичерина эта история с разоблачением заговора гомосексуалистов в Наркомате иностранных дел все же обошла стороной. К тому времени он уже четыре года был в отставке, постоянно болел, ни в чем не участвовал, ни с кем не встречался. Это его и спасло. Репрессии обошли Чичерина стороной. Ему позволили умереть в своей постели.

ДУШЕВНЫЙ УПАДОК И УВЛЕЧЕНИЕ МИСТИКОЙ

Самое забавное состоит в том, что основные принципы советской дипломатии, продолжавшие действовать почти до самого распада Советского Союза, установил человек, в котором не было ничего советского, – Чичерин.

Родовитый дворянин Георгий Васильевич Чичерин двенадцать лет руководил советской дипломатией. Он стал вторым после Троцкого наркомом иностранных дел и первым профессионалом на этом посту. Идеалист, глубоко преданный делу, он был трагической фигурой, не приспособленной для советской жизни. Чичерин (партийная кличка А. Орнатский) официально родился 20 ноября 1872 года (на самом деле он появился на свет 12 ноября – ошиблись при регистрации и написали в метрике другое число) в родовом имении в селе Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Здесь и по сей день существует музей Чичерина. Он единственный российский министр иностранных дел, удостоенный такой чести.

Чичерины – старинный дворянский род, ведущий начало от Афанасия Чичерни, выехавшего в 1472 году из Италии в свите Софии Палеолог, племянницы последнего византийского императора Константина XI. Она стала женой великого князя Московского Ивана III. Сын Афанасия Чичерни Иван уже именовался Чичериным. Его правнук Дмитрий Иванович был убит при взятии Казани в 1552 году. Внук Дмитрия Ивановича дьяк Иван Иванович подписался под грамотой об избрании на царство Михаила Федоровича Романова в 1613 году, после чего служил городовым воеводой в Уфе и Казани.

Известны и другие Чичерины. Кирилл Лаврентьевич был в 1698 году мценским воеводой, потом членом дворцовой канцелярии и советником соляной конторы. Денис Иванович, генерал-поручик, в 1863 году был назначен сибирским губернатором. При нем двумя годами спустя были приобретены Алеутские острова (в 1867 году проданы Соединенным Штатам вместе с Аляской). Николай Иванович был в 1764 году назначен генерал-полициймейстером. Екатерина II пожаловала ему чин генерал-аншефа и сделала сенатором. Петр Александрович, генерал от кавалерии, участвовал в войнах с Наполеоном.

Из этого рода происходит и Георгий Васильевич Чичерин.

Его дядя, Борис Николаевич Чичерин, известный юрист и философ, был профессором государственного права в Московском университете, а в 1882–1883 годах служил московским

городским головой. Яркая личность, оставившая след в истории культуры, он был, по существу, отторгнут обществом. После выхода в отставку Борис Николаевич вернулся в семейное имение в селе Караул.

Написанные прекрасным языком, его работы привлекли внимание не только думающей части российского общества, но и широко читались за границей. Профессор Чичерин слыл свободомыслящим человеком и либералом. Он критиковал славянофилов: «Никакого самосознания в русском обществе они не пробудили, а напротив, охладили патриотические чувства тех, кто возмущается нелепым превознесением русского невежества над европейским образованием». Он писал, что ограничивать свободу личности можно только во имя свободы другого человека. Пока человек не нарушает чужой свободы, принуждение не может иметь места. Именно по этой причине Борис Николаевич видел в социализме только одни темные стороны.

Его племяннику, будущему члену ЦК партии большевиков, подобные размышления никак не могли нравиться. Зато советский нарком иностранных дел вполне разделял другие идеи своего дяди, считавшего, что в международных отношениях все решается силой и такой порядок, увы, не может быть изменен к лучшему. Профессор Чичерин также полагал, что верховная власть может в случаях крайней нужды нарушать законы во имя общего блага. Он, впрочем, никак не мог предполагать, что племянник и его коллеги по правительству Советской России превратят исключение в правило.

Отец будущего наркома Василий Чичерин был профессиональным дипломатом, служил секретарем русской миссии в Пьемонте. В 1859 году он женился на баронессе Жоржине Егоровне Мейендорф. Свадьба прошла на российском военном корабле в генуэзской гавани – там, где через много лет взойдет дипломатическая звезда их сына.

Чичерин-старший был очень своеобразным человеком. Ему рано опротивели и дипломатическая служба, и светская жизнь. Разочарование в жизни привело его к евангельским христианам – протестантской секте, близкой баптистам. В России ее сторонников именовали редстокистами (по имени создателя, британского лорда Редстока, который в 1874 году приезжал в Петербург читать проповеди), потом пашковцами. Отставной полковник В.А. Пашков проникся идеями лорда Редстока и основал Общество поощрения духовно-нравственного чтения. Пашковцы не одобряли существование духовной иерархии, таинства, иконы, вообще обрядовую сторону религии. По повелению императора Александра III Пашкова выслали из России. Он жил в Англии, умер в 1902 году, но и после его смерти число сторонников секты продолжало расти и в годы первой русской революции достигло двенадцати тысяч человек. Они именовали себя «новыми евангелистами».

Василий Николаевич Чичерин официально не порывал с православием, но находился под сильным влиянием идей лорда Редстока. Дипломатическая карьера Чичерина-старшего закончилась, когда душевнобольной двоюродный брат его жены Жоржины Егоровны барон Рудольф Мейендорф жестоко оскорбил его. За этим должна была последовать дуэль, но по религиозным соображениям Василий Чичерин отказался брать в руки оружие. По неписаным правилам того времени ему пришлось немедленно подать в отставку. Он оставил службу и вернулся в свое имение Караул в Тамбов. Там стал сильно переживать историю с несостоявшейся дуэлью и отставкой. Ему казалось, что из-за отказа драться окружающие считают его трусом. Чтобы доказать свое мужество, он с миссией Красного Креста добровольно отправился на Балканскую войну. Не жалея жизни, он вытаскивал раненых из боя. Поездка оказалась для него роковой – он заболел туберкулезом, и болезнь быстро прогрессировала. Вернувшись домой совершенно больным, он через четыре года скончался.

Болезнь и смерть отца наложили мрачный отпечаток на детство Георгия Васильевича. По словам самого Георгия Васильевича, он рос одиноким ребенком в экзальтированной атмосфере, отрезанной от реальности. Часто, стоя у окна, он с завистью наблюдал за тем, как по улице шли гимназисты. Он жаждал общения. Но замкнутый образ жизни Чичериных ограни-

чивал общение мальчика со сверстниками. Совместные молитвы, пение религиозных гимнов, чтение вслух Библии составляли главное содержание семейной жизни. Лишенный сверстников, он рано приохотился к чтению серьезной литературы, в том числе исторической. Кто тогда мог подумать, что со временем это ему так пригодится...

После смерти отца опекуном Георгия Чичерина стал дядя Борис Николаевич. Будущий нарком ценил интеллектуальную атмосферу дядиного дома: «И дядя и тетя – необыкновенные люди по уму и по развитию, так что здесь в высшей степени интеллектуальная атмосфера, и пребывание здесь дает мне очень многое».

Мать научила Георгия ценить искусство и воспитала в нем романтическое восприятие несчастных. Он идеализировал крестьянскую жизнь. Бедность семьи воспитала в нем чувство обиды. Он сам чувствовал себя униженным и оскорбленным. В нем появилась склонность к самобичеванию и самоуничтожению. На это еще наложились природная застенчивость и замкнутость. Он рос в уверенности, что жизнь не удалась. В школе ему было очень трудно – он не умел ладить с товарищами. Трудный характер, привычка к замкнутости останутся у него на всю жизнь. Друзей у него практически не было, если не считать Михаила Кузмина. Они познакомились после того, как в 1886 году Чичерины переехали в Петербург и Георгий стал учиться в 8-й мужской гимназии. Там они и познакомились с Кузминым. Оба до крайности ранимые, они оказались родственными душами, к тому же их сблизила любовь к музыке и поэзии.

Михаил Кузмин записывал в дневнике: «В пятый класс к нам поступил Чичерин, вскоре со мной подружившийся и семья которого имела на меня огромное влияние. Я радовался, отдыхая в большой, «как следует», барской семье... Мы сошлись в обожании музыки, вместе бегали на «Беляевские концерты» («Русские симфонические концерты» устраивались в Петербурге для знакомства с русскими композиторами), изучали Моцарта, ходили на галерею в театр. Я начал писать музыку, и мы разыгрывали перед семейными наши композиции...»

Будущего наркома потрясла музыка Рихарда Вагнера, особенно его «Валькирия», которую он воспринял как трагедию бунтовщиков, достойных восхищения. Чичерин сам сочинял музыку на религиозные темы. Постепенно его музыкальные вкусы изменились – он полюбил Моцарта, которым восхищался до конца своих дней. Восхищение Моцартом разделял и Кузмин, великолепно его исполнял. Чичерин оставил единственную в отечественном музыковедении крупную монографию о Моцарте, опубликованную через много лет после его смерти. «У меня были революция и Моцарт», – писал Чичерин старшему брату Николаю Васильевичу, который сам сочинял музыку. В другом письме Георгий Васильевич повторил эту мысль: «Для меня Моцарт был лучшим другом и товарищем всей жизни, я прожил ее с ним...»

Образование он получил превосходное – на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Истории учился у самого Василия Осиповича Ключевского, академика, автора «Курса русской истории». Университет Чичерин закончил в состоянии полного душевного упадка, меланхолически замечал сам Георгий Васильевич. Его психологическое состояние усугубилось болезненностью – здоровым человеком он никогда не был. Постоянно простужался, ездил в Германию лечиться.

В юности он был человеком свободомыслящим, в письме дяде 5 ноября 1899 года возмущался: «Во всех странах открыты просторы естественной силе общества, только у нас они заменены предписаниями начальства... Тем более что теперь воцарился Сипягин, из отборнейшего круга «ах – православие», «ах – самодержавие», и все остальное – революция».

По его собственным словам, он испытывал ненависть к жизни, увлекался мистикой. Главные проблемы Чичерина начались, когда он обнаружил, что не похож на других юношей. То же самое переживал и Кузмин, который признавался Чичерину: «Моя душа вся вытоптана, как огород лошадьми».

Летом юноши отдыхали в имении Бориса Николаевича Чичерина. Оба придумывали себе влюбленности в девочек, но натура влекла их к мужчинам. Чичерин на эти темы не высказывался. Кузмин в какой-то момент дал волю своим чувствам, и его признания позволяют понять, что переживал будущий наркоминдел. Михаил Кузмин жил в тяжком разладе с самим собой, вся его юность прошла в неприятии своего гомосексуализма. Жизнь была для него мукой, сплошным разочарованием, он хотел пойти в монахи.

Чичерин пережил то же разочарование и прожил два года за границей. Он трогательно заботился о Михаиле Кузмине, пытался приобщить его к религии, немедленно бросался на помощь, когда другу было плохо. Прежде всего снабжал его деньгами. Кузмин вскоре вернулся в Россию. Чичерин оставался в Германии.

Он писал невестке, жене старшего брата Николая, надворного советника, служившего во 2-м департаменте Правительствующего сената: «Многоуважаемая Наталья Дмитриевна, обращаюсь к Вам, так как Вы с самого начала отлично отнеслись к Кузмину и сумели оценить его выдающуюся натуру. Умоляю Вас теперь заняться им. Продолжавшаяся почти четверть столетия жизнь разрушилась. Он с детства жил вдвоем с матерью и теперь остается совершенно один. Он, несомненно, вполне беспомощен и растерян. Нельзя его так оставить без содействия... Он «менестрель на готовых хлебах», он таким создан и таким должен быть. Я считаю для себя возможным уделять на него 100 руб. в месяц... Главное сейчас – поддержать его в первое время катаклизма. Еще раз умоляю Вас заняться им! Глубоко Вас уважающий Ю. Чичерин».

Просьба была исполнена, но Кузмину постоянно не хватало денег, и Чичерину приходилось вновь и вновь высылать ему из Германии чеки. Он переживал за своего непрактичного друга: «Теперь ты у родственников. Если ты начнешь странствовать по чужим, то Бог знает, к каким мошенникам ты еще попадешь! При твоей нематематической голове тебя будут надувать и обирать...»

Чичерин искренне восхищался творчеством своего интимного друга, писал ему каждую неделю: «Дорогой Миша, скорбный тон твоего письма – это очень печально. Я совсем не знаю, есть ли особая причина, или это просто так. Если просто так, то пройдет скоро. И если есть особая причина, тоже обязательно пройдет. Свет делается тьмою, а тьма – светом. Хорошо было бы теперь увидеться...»

Кузмин нежно называл его «милым Юшей», скучал, когда они расставались, хотя в политических воззрениях они периодически расходились. Кузмин ненадолго увлекся националистами, идеологами Союза русского народа, хотя при этом писал Чичерину, что «будущее за социализмом».

Чичерин тоже интересовался крайне правыми идеологами. На него сильное впечатление произвели труды друга его юности профессора Бориса Владимировича Никольского. Это был очень одаренный человек – правовед, поэт, оратор, редактор, первым напечатанный Александра Блока. При этом Никольский был убежденным монархистом черносотенного толка (в 1919 году чекисты его расстреляли). Чичерин нашел в сочинениях Никольского «возведенное в абсолют презрение к жизни, к себе и ко всему сущему». Но это увлечение нищезанятием скоро прошло. Националисты тоже не вызывали у Георгия Васильевича симпатии.

В конце 1905 года Чичерин писал Кузмину:

«Теперь самое интересное, самое живое, и вопрос в том, что собирательно называется «черная сотня». Это, так сказать, охотничье хозяйство, сенно-рыночный (от названия Сенного рынка в Петербурге. – Л. М.) национализм. Он, несомненно, имеет будущее. Но это не древняя народная культура, не старые лики, не Вандея. Это – народный балаган, лубочная книжка Сытина, кровавый фельетон в грошовой газете. Кровавые фантазии и язык плохого романа... Это трактир с запахом дешевой монопольки, органом или граммофоном и газетой с кровавыми романами. Иоанн Кронштадтский относится к Зосиме Достоевского и лесковскому Малафию

как новейшее балаганное православие и лубочно-трактирный национализм к традиционной старой народной культуре и к древнему благочестию...

Это «герои первоначального накопления», лавочники, мелкие ростовщики, они процветали на общей нищете... Они при данных условиях монархисты, потому что это теперь для них наиболее выгодно, но они вовсе не непременно монархисты. Я убежден, что они будут самые рьяные приверженцы какой-нибудь диктатуры...»

Каждый из них нашел разное решение своей проблемы. Кузмин перестал сопротивляться неизбежному и дал волю своим чувствам. Он не стеснялся проявлять их и встречал понимание у тех, кто ему нравился. В начале века в столице было достаточно либерально мыслящих людей, не считавших возможным укорять кого-то за нетрадиционные сексуальные пристрастия. В семье Чичериных к увлечениям Кузмина относились очень спокойно. Только однажды Наталья Дмитриевна попросила у Георгия Васильевича совета: можно ли брать Кузмина с собой в деревню, не станет ли он развращать деревенских ребят?

После полутора десятилетий мучительного внутреннего разлада Кузмин обрел спокойствие и уверенность в себе. Романы Кузмина «Картинный домик» и «Крылья», написанные сразу после первой революции, восприняты были в российском обществе как апология гомосексуализма. «Александрийскими песнями» любители поэзии восхищаются и сейчас. Кузмин писал пьесы, оперетты и музыку, сам исполнял песенки собственного сочинения и стал невероятно популярен. Это был мужчина небольшого роста, тоненький и хрупкий, с лицом не то фавна, не то молодого сатира – таким его запомнили современники. Самые прозорливые подозревали, что он укрывается от мира маской. Но никак не удавалось понять, где кончается маска и начинается его подлинное лицо с подведенными глазами.

Революция сломала Кузмина. Он, который говорил, что страх внутри человека, а не извне, был напуган обысками, арестами, смертью, которая распространилась вокруг него. Он внезапно постарел и утратил свою красоту. Но его не тронули. Пока Чичерин оставался наркомом, Кузмина продолжали печатать...

Сам Чичерин лишил себя права открыто проявлять свои чувства. Он замкнулся в себе, в своей работе и любви к музыке. Очень одинокий, он почти ни с кем не дружил. Окружавшие, видя, как он избегает женщин, догадывались, в чем дело. Но в те годы гомосексуализм не считался преступлением.

Вернувшись из-за границы, Георгий Васильевич в 1897 году поступил в архив Министерства иностранных дел и прослужил там шесть лет, участвовал в подготовке «Очерка истории министерства иностранных дел России. 1802–1902». Написал 700-страничный (и до сих пор полностью не опубликованный) «Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова». Наследник Горчакова на посту руководителя отечественной внешней политики Чичерин писал о государственной деятельности Александра Михайловича с нескрываемым уважением. Некоторые горчаковские идеи, несомненно, запали в душу будущему наркому.

«Задача внешней политики в эти годы, – писал Чичерин, – быть дополнением к внутренней. От нее требовалось для России – не допускать препятствий внутренней преобразовательской работе. Мир был необходим: никакая внешняя заинтересованность не должна была отвлекать русские силы от внутренней деятельности... Умелыми приемами дипломатического искусства, не доводя России до войны, нужно было предохранять ее в области внешней политики от всякого вреда... Выжидать, сосредотачиваться в себе, собираться с силами».

Архивная работа его не вдохновляла, хотя он успел досконально изучить историю русской дипломатии XIX века. Как писал потом Чичерин, он ощутил в себе зов к практической работе за освобождение страдающего человечества. Желание заняться каким-то практическим и нужным людям делом изменило его жизнь.

РЕВОЛЮЦИЯ НА МАМИНЫ ДЕНЬГИ

Весной 1904 года он вновь уехал за границу – на сей раз чтобы заняться изучением революционной литературы. В Германии он познакомился и сблизился с выдающимся немецким социал-демократом Карлом Либкнехтом, который стал для него идеалом революционера. Чичерин пришел к выводу, что революционная работа ему по душе.

В 1905 году Чичерин вступил в берлинскую секцию Российской социал-демократической рабочей партии. Он присоединился к меньшевикам, считая их наиболее близкими к немецким социал-демократам.

В Германии он пользовался чужим паспортом. Полиция его задержала – рано или поздно это должно было произойти. Суд, разумеется, приговорил его к высылке из Германии, но он спокойно остался на месте – времена были либеральные. Потом все-таки перебрался в Париж, где играл заметную роль среди политэмигрантов. Он жил на деньги, оставшиеся после смерти матери. Большую часть наследства он передал в партийную кассу.

Дядя, Борис Николаевич, завещал ему родовое имение: «Милый Юрий, ты один из семьи родился в Карауле, а потому я решил, что это указание Божие и что он должен принадлежать тебе». Но Георгий Васильевич отказался от имения, намереваясь похоронить свое дворянское прошлое.

В 1907 году в Берлине было создано Центральное бюро заграничных групп – для сотрудничества всех социал-демократических фракций за границей. Секретарем бюро стал Чичерин. После истории с грабежами банков, которые большевики проводили ради пополнения партийной кассы и громко именовали «экспроприацией экспроприаторов», меньшевики потребовали провести расследование. Они считали, что революционеры не могут грабить. Это было поручено Центральному бюро, Чичерину. В августе 1908 года на пленуме ЦК РСДРП в Женеве Чичерин доложил итоги расследования. Но большевики отвергли все обвинения. Центральное бюро было отстранено от проведения расследования. Ленин добился создания новой следственной комиссии, которую возглавил верный ему Григорий Евсеевич Зиновьев.

В общей сложности Чичерин провел за границей четырнадцать лет – во Франции, в Австро-Венгрии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Англии. Февральская революция 1917 года застала Чичерина в Англии. Георгий Васильевич возглавил в Лондоне комиссию, которая занималась возвращением в Россию политэмигрантов, бежавших за границу от царской полиции. Как и другие российские социал-демократы, он выступал против войны и требовал заключения мира. В обстановке военного времени такого рода публичные высказывания считались уголовным преступлением. В августе 1917 года за пропаганду «пораженческих взглядов» его арестовали англичане и посадили в тюрьму Брикстон. Но Троцкий вызволил его оттуда самым фантастическим образом.

После Октябрьской революции перепуганные иностранцы побежали из России. Однако англичанам перестали давать выездные визы. Троцкий объяснил, что никто из англичан, в том числе посол Бьюкенен, не сможет покинуть Россию. Когда возмущенные англичане требовали объяснить, на каком основании им не разрешают вернуться на родину, в наркомате издевательски отвечали:

– Чтобы дать вам визу, нам нужно посоветоваться с Чичериным. Нет Чичерина – нет и визы.

3 января 1918 года англичане освободили Чичерина. Через несколько дней он вернулся в Россию. Считается, что Ленин призвал Чичерина в Наркомат иностранных дел, чтобы он исправил то, что натворил Троцкий. На самом деле больше всего Чичерин был нужен самому Троцкому. Чичерин тут же был назначен товарищем (заместителем) наркома и уже через

несколько дней принял все дела в аппарате наркомата у Ивана Залкина, который отправлялся полпредом в Швейцарию.

ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Георгий Васильевич прекрасно знал Европу, говорил на основных европейских языках и уже в солидном возрасте приступил к изучению древнееврейского и арабского языков. У него имелся опыт работы в Министерстве иностранных дел, он снял с Троцкого все заботы по Наркоминделу. Британский дипломат Роберт Брюс Локкарт называл Георгия Васильевича неутомимым и добросовестным тружеником, идеалистом, преданным делу.

Чичерину предоставили право решающего голоса в Совете народных комиссаров «в случае отсутствия Троцкого». 13 марта 1918 года, когда первый нарком иностранных дел подал в отставку, Георгия Васильевича утвердили в должности «временного заместителя», а 30 мая назначили полноценным наркомом. Среди старых партийных товарищей это назначение вызвало недовольство – наркомы первого состава Совнаркома были людьми с большим партийным весом, а Чичерина в партии почти не знали. Но Ленин и Троцкий настояли на своем.

Троцкий на заседании ЦК сформулировал принцип управления советской внешней политикой: руководить дипломатией должен профессионал, специалист, не имеющий политического веса. И пояснил свою мысль:

– Текущие дела может вести Чичерин, а политическое руководство должен взять на себя Ленин.

Партийная верхушка так и не избавилась от несколько пренебрежительного и высокомерного отношения к Чичерину. Георгий Васильевич очень здраво судил о происходящем, но прислушивались к его мнению не всегда. Менее компетентные, но более авторитетные люди брали верх.

Чичерин, например, попытался помешать передаче Азербайджану спорных территорий – Карабаха и Нахичевани, где было большое армянское население. Чичерин считал, что надо обязательно учесть мнение Армении. Он словно чувствовал, что со временем из-за Карабаха вспыхнет настоящая война. Но секретарь Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, один из самых влиятельных в партии людей, полагал, что территории нужно отдать Азербайджану – эта республика важнее Армении. Орджоникидзе убедил Ленина, что «нельзя лавировать между сторонами, нужно поддержать одну из сторон определенно, в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией».

Турция потерпела поражение в Первой мировой войне, и ее судьбу определил Севрский договор 10 августа 1920 года, Турция должна была признать независимую Армению, а границу между Арменией и Турцией попросили провести третейского судью – президента Соединенных Штатов.

Но Севрский договор оказался недолговечен. Против него выступала не только Турция, но и Советская Россия. Советско-турецкий договор 16 марта 1921 года оставлял за Турцией значительные армянские территории.

Сам Ленин считал дипломатию лишь прикрытием для реальной политики и объяснял сотрудникам наркомата: годятся любые лозунги, даже не соответствующие политике страны, лишь бы они способствовали «разложению врага». Выдавать реальные планы страны, говорить о грядущем уничтожении мирового капитализма, то есть употреблять «страшные слова», не надо, учил Ленин своего наркома. Уже после окончания Гражданской войны на очередном пленуме ЦК в секретном постановлении, написанном лично Лениным и посвященном заключению торгового соглашения с Англией, говорилось: «Восточным народам сообщить всем, но только устно через послов, без единой бумажки, что мы надеемся на Англию».

Этот ленинский завет – врать – советская дипломатия пронесет через все годы. Но подобных откровенных постановлений ЦК уже больше не принимал.

Георгий Васильевич поставил рекорд – он двенадцать лет возглавлял ведомство иностранных дел, хотя в те времена другие наркомы, бывало, менялись по несколько раз в год. В июле 1923 года, после образования Советского Союза, были созданы общесоюзные наркоматы, и Чичерин стал наркомом иностранных дел СССР.

После переезда в марте 1918 года советского правительства в Москву Наркомату иностранных дел передали особняк Тарасова на Спиридоновке (потом там разместилось польское посольство) и особняк на Малой Никитской (теперь это Дом-музей Горького). Чичерин вместе с шестью красноармейцами, которые его охраняли, получил апартаменты на втором этаже гостиницы «Европа» на Неглинной улице.

В апреле 1918 года Наркомат иностранных дел уже в полном составе перебрался в гостиницу «Метрополь». А в конце 1921-го расположился в шестиэтажном доме бывшего страхового общества «Россия» на пересечении Кузнецкого моста и Лубянки – это место теперь называется площадью Воровского. Отдельный подъезд был выделен для наркома и его заместителей, в подвале оборудовали столовую, завели собственные ателье, парикмахерскую и прачечную. Здесь дипломаты оставались до 1952 года, когда Министерству иностранных дел передали высотную новостройку на Смоленской площади, где оно находится и поныне.

Дипломатической работы в Москве тогда было не много. Признали Советскую Россию только страны Четверного союза – Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария, которым был нужен мир. Но полноценное посольство в Москве имелось только одно – немецкое. Советское полпредство находилось в Берлине, и полуофициальные представительства существовали в Лондоне, Стокгольме и Берне.

Представители нейтральных государств в Советской России вручили наркому Чичерину ноту с протестом против красного террора. Его ответная нота появилась в «Известиях». В ней говорилось, что «во всем капиталистическом мире господствует режим «белого террора» против рабочего класса», поэтому «никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимает оружие против рабочих и беднейших крестьян России».

26 февраля 1918 года дипломатический корпус из Петрограда перебрался в более безопасную и менее голодную Вологду. Летом большевики попытались убедить послов вернуться в столицу. Чичерин отправил в Вологду приглашающую телеграмму, гарантируя иностранцам в Москве полную безопасность. Дуайен дипломатического корпуса американский посол Фрэнсис ответил Чичерину: «Спасибо за Вашу телеграмму. Мы признательны за Ваш неизменный интерес к нашей личной безопасности и решили последовать Вашему совету и покинуть Вологду». Но дипломаты поехали не в Москву, а в Архангельск – под охрану высадившихся там частей Антанты.

2 августа 1918 года Архангельск занял десант союзников. Там противники советской власти создали свое правительство – Верховное управление Северной области. Его возглавил Николай Васильевич Чайковский. В октябре 1918 года появилось Временное правительство Северной области. Но уже в следующем году адмирал Колчак упразднил Временное правительство и назначил генерала Евгения Карловича Миллера начальником края. Чичерин заявил, что по условиям военного времени пребывание дипломатов в Архангельске невозможно, поэтому «Архангельск может быть рассматриваем только как этап для отъезда из России». Так и произошло. К концу 1918 года на территории России оставались только британская и французская миссии. Да и они в сентябре следующего года покинули Архангельск вместе с уходящими войсками союзников.

ТОВАРИЩ ТОВАРИЩУ ВОЛК

Реальные дипломатические отношения сохранялись у Советской России только с Германией – и то недолго. У полпреда в Берлине Адольфа Иоффе не сложились отношения с Чичериным – ни служебные, ни личные. В Берлине Иоффе вел переговоры о мирном договоре с Россией, видя, что «идея русско-германского сближения действительно популярна в народе». К нему приезжал Штреземан, который тоже считал, что союз с Германией позволит России вернуть все утерянные территории, кроме Польши и Прибалтики. Иоффе обижался, что нарком Чичерин ведет все дела напрямую с немецким послом в Москве графом Мирбахом, а российское посольство в Берлине остается в стороне от большой политики и даже не подозревает о достигнутых договоренностях.

Генеральным консулом в Берлине служил Вячеслав Рудольфович Менжинский, мрачный, неразговорчивый, но необычайно вежливый – будущий председатель ОГПУ. Из Берлина в мае 1918 года Менжинский и обратился напрямую к Ленину:

«Уважаемый товарищ!

Москва нервничает и все время сводит на нет работу тов. Иоффе. Сплошь и рядом тов. Иоффе удается достигнуть весьма существенных уступок – бац! Приходит телеграмма из Москвы о полной сдаче позиций. Это тем более печально, что тов. Иоффе, даже уступая немецкому давлению, никогда не делает подарков, а всегда старается что-нибудь выгадать из Брест-Литовского договора, и большей частью успешно.

Немцам, конечно, известна наша военная слабость, но их положение в оккупированных областях, Польше и Украине, весьма трудно, и идти на открытый разрыв с Россией они сейчас не желают. Но если Москва спешит уступать, то, конечно, отчего не взять того, что само плывет в руки.

Подобное положение совершенно ненормально. Иоффе – человек очень осторожный, хорошо информированный, и если в каком-нибудь случае нельзя не уступить, то будьте покойны – он уступит вовремя, но зато что-нибудь получит взамен. Кроме личных качеств тов. Иоффе, тут играет большую роль то обстоятельство, что здесь гораздо видней, насколько серьезно то или другое требование немцев...»

Адольф Иоффе жаловался, что трудно ладить с руководителями Красной армии, а в результате немцы постоянно предъявляют претензии из-за нарушений условий перемирия: «Всё несчастье, что военные не хотят спеться с дипломатией, но наоборот – подчинить ее себе, а последняя настолько мягкотела, что не может энергично противодействовать». Противоречия между военными и дипломатами будут существовать всегда, причем военным почти всегда удастся брать верх.

Иоффе считал, что ему не доверяют, что политика делается за его спиной, что напрасно присылают в Германию видных деятелей, которые пытаются вести с немецкими политиками какие-то отдельные переговоры, обходя посла. Когда в Екатеринбурге расстреляли царскую семью, Иоффе сообщили только о казни бывшего царя, а о том, что убили и царицу и детей, не сказали. Немцы требовали от Иоффе подробной информации, а он сам ничего не мог добиться от Москвы. Наконец, когда через Берлин проезжал председатель ВЧК Дзержинский (инкогнито, под фамилией Доманский), направляясь в Швейцарию, он сказал Иоффе правду. И объяснил, что Ленин запретил ему сообщать об этом:

– Пусть Иоффе ничего не знает, ему там, в Берлине, легче врать будет.

4 ноября 1918 года немецкое правительство заявило, что разрывает отношения с Россией и высылает из Берлина советское полпредство.

6 ноября Иоффе и его сотрудники выехали из Берлина. Формальным поводом стали пропагандистские листовки, найденные в случайно разбившемся ящике советского дипломатического багажа. В реальности в Германии уже начиналась ноябрьская революция.

В Москве Наркоминдел признал временным представителем интересов германских граждан в России некий Революционный Совет германских рабочих и солдат в Москве. Входящие в него немцы захватили опустевшее здание германского посольства и подняли над ним красный флаг, приветствуя революцию у себя на родине. 13 ноября ВЦИК, как высший орган государственной власти, аннулировал Брестский мир.

Всякая дипломатическая деятельность прекратилась. Чичерин и его немногочисленные помощники в наркомате фактически остались без работы. В декабре 1918 года и Швеция разорвала дипломатические отношения с Советской Россией. Полпред в Швеции Вацлав Воровский был предупрежден о том, что он должен покинуть страну. Так же поступила Дания. Раздраженный и разобиженный Воровский предложил Ленину в ответ выслать из России всех граждан Скандинавских стран. Чичерин был против, объяснив, что крупных дипломатов из этих стран в России уже нет, а остались рядовые сотрудники, которые весьма полезны для поддержания хотя бы каких-то контактов с Западом.

Воровский вел переговоры с Эстонией, открыл постоянное представительство Советской России в Риме. 10 мая 1923 года полпред в Италии приехал в Лозанну для участия в международной конференции. Он должен был подписать конвенцию о режиме судоходства в черноморских проливах. Он ужинал в ресторане, когда Морис Конради выстрелил ему в затылок. Убийца всадил две пули в сидевшего рядом корреспондента российского агентства новостей РОСТ Ивана Аренса и одну – в помощника полпреда Максима Дивильковского. Дивильковский и Аренс выжили. Ивана Аренса расстреляют в 1938 году как «немецко-польского шпиона».

Морис Конради, швейцарский гражданин, родился в России, где его семья владела шоколадной фабрикой. В полиции Конради рассказал, что его дядя, тетя и старший брат были расстреляны ВЧК, отец умер в тюремной больнице. Он мечтал отомстить большевикам и решить убить Воровского «как очень даровитого человека, который смог бы наилучшим для Советов образом отстоять их интересы на конференции».

Вацлав Воровский не служил в ЧК и не имел отношения к красному террору. Но адвокаты убийцы построили защиту на рассказах о преступлениях большевистского режима. На суде Конради уверенно говорил:

– Я верю, что с уничтожением каждого большевика человечество идет вперед по пути прогресса. Надеюсь, что моему примеру последуют другие смельчаки, проявив тем самым величие своих чувств!

Процесс по делу убийцы Воровского превратился в суд над Советской Россией. В Москве предпринимали тщетные усилия, чтобы защититься. Поручили Луначарскому совместно с Чичериным составить список «беспартийных профессоров, которые поедут на процесс для дачи отзывов о Советской России», выделили на это деньги, поручили разведке подобрать материалы о враждебной деятельности эмиграции.

Но усилия Москвы успеха не принесли. Тактика защиты оказалась верной. 14 ноября 1923 года присяжные пришли к выводу, что Морис Конради «действовал под давлением обстоятельств, проистекших из его прошлого». Убийца вышел на свободу. Вдова Воровского умерла через две недели после вынесения приговора – она так и не оправилась от тяжелого нервного потрясения. Советское правительство разорвало отношения с Берном, объявило бойкот Швейцарии и запретило «въезд в СССР всем швейцарским гражданам, не принадлежащим к рабочему классу».

Довольно быстро стало ясно, что реакция была чрезмерной и не следовало разрывать отношения со Швейцарией. Этот урок учли через четыре года, 10 мая 1927 года, когда на

Варшавском вокзале был убит советский полпред в Польше Петр Лазаревич Войков. Это тоже была месть – за участие полпреда в расстреле царской семьи.

Сталин написал Молотову:

«Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево или, по крайней мере, инцидент со Швейцарией в связи с убийством Воровского. От нас требуется максимум осмотрительности. Нельзя требовать нашего контроля над польским судом при судебном разборе дела. Польша не пойдет на это...

Надо дать официальное извещение с указанием на то, что общественное мнение СССР считает вдохновительницей убийства партию консерваторов Англии, старающуюся создать новое Сараево».

Никаких оснований полагать, будто британские власти причастны к убийству советского дипломата, у Сталина не было. Но он не только во внутренней, но и во внешней политике руководствовался собственными представлениями о том, что и как происходит.

По его указанию за убийство Войкова отыгались на бывших монархистах, оставшихся в России; их называли белогвардейцами и расстреляли.

Политбюро приняло решение:

«1. Издать правительственное сообщение о последних фактах белогвардейских выступлений с призывом рабочих и всех трудящихся к напряженной бдительности и с поручением ОГПУ принять решительные меры в отношении белогвардейцев...

3. Поручить ОГПУ произвести массовые обыски и аресты белогвардейцев.

4. После правительственного обращения опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел 20 видных белогвардейцев, виновных в преступлениях против Советской власти.

5. Согласиться с тем, чтобы ОГПУ предоставило право вынесения внесудебных приговоров, вплоть до расстрела, соответствующим постоянным представительствам (по усмотрению ОГПУ), виновным в преступлении белогвардейцам...»

ДИПЛОМАТЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

В Москве радовались появлению любого сколько-нибудь заметного иностранца, предлагавшего либо свое внешнеполитическое посредничество, либо участие в восстановлении разрушенной российской экономики. 17 сентября 1920 года в Москву приехал американский инженер и бизнесмен Фрэнк Артур Вандерлип. Чичерин сообщил об этом Ленину – американец предлагал заключить договор о концессиях на добычу нефти и угля, а также вылов рыбы в Приморском крае и на Камчатке. Ленин тут же ответил Чичерину: «Я вполне за переговоры. Ускорьте их».

О предложении американца Ленин с гордостью рассказывал на партийной конференции, убеждая товарищей – и, может быть, самого себя, – что внешнеполитическая блокада скоро будет прорвана.

18 мая 1920 года в Москву на Николаевский вокзал прибыла делегация британских тред-юнионов, симпатизировавших Советской России. На Каланчевской площади в честь британских профсоюзников состоялся митинг. Части Московского гарнизона устроили парад. Такие почести оказываются только главам государств, но они в Москву не приезжали.

Накануне Чичерин написал Ленину: «Многоуважаемый Владимир Ильич, скоро появится внезапно у нашей границы делегация тред-юнионов, которую надо будет принять очень любезно. Там будут головы первостепенного калибра. Необходима политическая подготовка их посещения...»

В те месяцы Чичерин занимался не столько чистой дипломатией, сколько пропагандой. Советское руководство надеялось поднять европейских рабочих против собственных правительств и тем самым заставить Антанту прекратить помощь Белой армии.

21 августа 1920 года Чичерин обратился в политбюро:

«Поднявшееся среди английских рабочих движение уперлось в тупик. Они требуют, чтобы Англия не воевала против нас. Ллойд Джордж заявляет, что Англия не будет воевать и ввиду нашего отхода от Варшавы ему тем легче это выполнить. Чтобы движение английских рабочих имело пищу, оно должно перейти к новым лозунгам. Не подсказать ли им выставить наступательные лозунги, требовать от английского правительства прямой помощи Советской России против Польши и Врангеля? Рабочие могли бы создать добровольные отряды с этой целью».

Политбюро согласилось с предложением Чичерина и поручило ему телеграфировать находившемуся в тот момент в Лондоне Льву Каменеву, что надо попробовать убедить британских рабочих сменить лозунги. Реальное дипломатическое искусство потребовалось, когда Гражданская война уже шла к концу и настало время подписывать мирные соглашения с соседями. Чичерин тут же сообщил Ленину: «Наркоминдел не может привлекать для работы хороших сотрудников без предоставления им полного красноармейского пайка». Тогда работали не за деньги, а за еду – покупать было негде и нечего.

Летом 1920 года в Минске открылись переговоры о прекращении войны и заключении мирного договора между Россией, Украиной и Польшей. Но революционная дипломатия сильно отличалась от привычных норм и традиций. Представители советской делегации 19 августа пожаловались Чичерину в Москву: «Только что получена инструкция от Политбюро, подписанная тов. Троцким, которая заключает указания, проведение в жизнь которых означает срыв переговоров».

Чичерин обратился к Ленину:

«Со всей энергией присоединяюсь к заявлению о безусловной недопустимости применения к польской делегации каких-нибудь внешне унижительных скандальных аксессуаров вроде колючей проволоки, которая будет означать немедленный срыв переговоров в самой одиозной для нас форме в глазах всего польского народа...»

Я уже полагал, что, основываясь на озлоблении населения против поляков, можно окружить их в их же интересах почетными телохранителями, предоставить им для хождения несколько определенных улиц, никого к ним не подпуская и не давая им возможности входить в какие-либо дома».

Чичерин обратился и к самому Троцкому, надеясь его переубедить. Лев Давидович ответил на следующий день:

«Считаю совершенно неосновательным протест наркоминдела против решения политбюро ЦЕКА относительно режима для польской делегации. В моей телеграмме сказано буквально следующее: «Нельзя ли поместить ее за городом, обнести колючей изгородью известную площадь, запретив выходить за пределы изгороди?»»

Что унижительного в помещении делегации в помещицкой усадьбе, обнесенной колючей изгородью на протяжении нескольких десятин? В Брест-Литовске значительная часть площади была обнесена колючей изгородью с надписью: «Всякий русский, застигнутый здесь, будет убит на месте»...»

Лев Давидович не мог забыть, как немцы обошлись с российской делегацией в Брест-Литовске. На его записке Ленин написал: «Я согласен с Троцким».

Мелкие каверзы, устроенные для того, чтобы потрепать польским дипломатам нервы, стали психологической компенсацией за неудачу в войне и необходимость принять крайне невыгодные условия мира. По существу, проигранная война с Польшей наложила серьезный отпечаток на всю предвоенную советскую политику. Ленин в 1920 году говорил, что «Польша

является опорой всего Версальского договора. Современный империалистический мир держится на Версальском договоре... Польша – такой могущественный элемент в этом Версальском мире, что, вырывая этот элемент, мы ломаем весь Версальский мир...»

Ленин пытался объяснить партийным работникам, зачем он затеял неудачную войну с Польшей, то есть фактически оправдывался и при этом невольно переоценивал значение Польши. Но эти преувеличенные представления о роли поляков в европейской политике прижились, и для сталинского руководства Польша до самого 1939 года, до последнего ее раздела, все еще оставалась главным врагом.

ШИФРЫ И ШИФРОВАЛЬЩИКИ

По мере исчезновения надежд на быстрый приход мировой революции становилась ясна потребность во внешней политике, в более заметной роли дипломатического ведомства и его обустройстве всем необходимым. Если председатель Реввоенсовета Троцкий старался брать в армию побольше кадровых офицеров, то Наркоминдел формировали по классовому признаку. ЦК принимал такие решения: «Обязать Оргбюро в недельный срок усилить аппарат Народного комиссариата иностранных дел еще двумя-тремя очень вышколенными и конспиративными партработниками».

Чичерин не смел возражать или сопротивляться, хотя не знающие иностранных языков и не имеющие ни малейшего представления о внешнем мире малограмотные партийные функционеры его изрядно раздражали. Обустройство внешнеполитического ведомства оказалось непростым и небыстрым делом. Для советских руководителей все было внове.

21 августа 1920 года Чичерин написал Ленину:

«Многоуважаемый Владимир Ильич, я всегда скептически относился к нашим шифрам, наиболее секретные вещи совсем не сообщал и несколько раз предостерегал других от сообщения таковых. Неверно мнение тов. Каменева, что трудно дешифровать. От нашего сотрудника Сабанина, сына старого дешифровщика Министерства иностранных дел, мы знаем, что положительно все иностранные шифры расшифровывались русскими расшифровщиками. В последний период существования царизма не было иностранной депеши, которая бы не расшифровывалась, при этом не вследствие предательства, а вследствие искусства русских расшифровщиков.

При этом иностранные правительства имеют более сложные шифры, чем употребляемые нами. Если ключ мы постоянно меняем, то самая система известна царским чиновникам и военным, в настоящее время находящимся в стане белогвардейцев за границей. Расшифрование наших шифровок я считаю вполне допустимым. Наиболее секретные сообщения не должны делаться иначе, чем через специально отправляемых лиц...»

Владимир Ильич, уверенный в своей способности дать нижестоящим товарищам дельный совет по всякому поводу, даже весьма экзотическому, откликнулся на обращение наркома в тот же день:

«Предлагаю:

1. изменить систему тотчас;
2. менять ключ каждый день, например согласно дате депеши или согласно дню года (1-й... 365-й день и т. д. и т. п.);
3. менять систему или подробности ее каждый день (например, для буквы пять цифр; одна система: первая цифра фиктивная; вторая система: последняя цифра фиктивна и т. д.).

Если менять хотя бы еженедельно а) ключ и б) такие подробности, то нельзя расшифровать».

Через месяц Ленин вернулся к вопросу о шифрах. Этот вопрос не давал ему покоя, потому что он всегда беспокоился о секретности переписки.

«Тов. Чичерин!

Вопросу о более строгом контроле за шифрами (и внешнем и внутреннем) нельзя давать заснуть.

Обязательно черкните мне, когда все меры будут приняты.

Необходима еще одна: с каждым важным послом (Красин, Литвинов, Шейнман, Иоффе и т. п.) обязательно установить особо строгий шифр, только для личной расшифровки, т. е. здесь будет шифровать особо надежный товарищ, коммунист (может быть, лучше при ЦЕКА), а там должен шифровать и расшифровывать лично посол (или «агент») сам, не имея права давать секретарям или шифровальщикам.

Это обязательно (для особо важных сообщений, 1–2 раза в месяц по 2–3 строки, не больше)».

25 сентября Чичерин ответил:

«Вообще вопросом о лучшей постановке шифровального дела в Республике занимается комиссия тов. Троцкого. Что касается шифровального дела в нашем комиссариате, с понедельника у нас начнет работать тов. Голубь, задача которого будет заключаться в превращении шифровок в официальные бумаги для рассылки их в таком совершенно измененном виде обычным получателям. Он же будет отделять наиболее конспиративные и чисто личные сведения от общеполитических, причем рассылаться будут последние, первые же сообщаться лишь самому ограниченному кругу лиц.

Иоффе уже имеет специальный шифр с Центральным Комитетом. Единственный особо строгий шифр есть книжный. Пользоваться книжными шифрами можно лишь в отдельных случаях вследствие крайней громоздкости этой системы. Требуется слишком много времени. Для отдельных наиболее секретных случаев это можно делать. Вначале все наши корреспонденты имели книги, но вследствие слишком большой громоздкости этой системы постепенно отказались. Можно будет восстановить эту систему для отдельных случаев, пользуясь оказиями для извещения корреспондентов.

Устроить шифрование при ЦК нецелесообразно, так как при рассылке и передаче шифровка может попасть в посторонние руки, и вернее будет предоставить в наиболее важных случаях шифрование самым надежным шифровщикам».

Вся секретная переписка с загранпредставительствами постепенно была сосредоточена в Наркомате иностранных дел. Все телеграммы, даже адресованные членам политбюро, полпреды отправляли в наркомат, где дежурная служба определяла, кому следует ее показать. Рутинная информация отправлялась в региональный отдел, более важные сообщения немедленно докладывались наркому. Самые важные послания отправляли генеральному секретарю ЦК и членам политбюро. Техническую сторону (разработка шифров, а потом и шифровальных машин, подготовка шифровальщиков) взяли на себя чекисты.

4 мая 1921 года политбюро приняло важное решение: «Возку нелегальной литературы дипломатическими курьерами запретить без разрешения тов. Горбунова» (управляющего делами Наркомата иностранных дел).

Более того, члены политбюро осознали, что дипломатов нельзя компрометировать конспиративной деятельностью, и записали: «Безусловно запретить всякую нелегальную работу и деятельность как послам и ответственным лицам советских представительств за границей, так и курьерам и всяким другим служащим». 23 мая политбюро специальным решением запретило сотрудникам миссии в Польше вести агитационную работу среди местного населения.

Но сразу же возникли большие сложности в отношениях с коммунистами других стран. Начиная с октября 1917 года руководители новой России подталкивали своих единомышленников к вооруженному восстанию и революционной работе, снабжали их деньгами и оружием. Но уже после Гражданской войны, когда Советская Россия осознала свои государственные интересы, поддержка подпольной деятельности компартий стала ей только вредить. Попытка

наладить отношения с любым государством наталкивалась на требование соответствующего правительства прекратить поставки оружия местной компартии и не призывать ее к вооруженному восстанию.

Чичерин первым почувствовал необходимость умерить рвение Коминтерна, иначе ни одна страна не согласится признать Советскую Россию. Летом 1921 года Чичерин написал Ленину, обращая его внимание на поведение латышских коммунистов, которые открыто обещали поднять в Риге восстание, совершали террористические акты и нелегально доставляли в Латвию оружие. По словам Чичерина, это вредит «нашим отношениям с Латвией, так и нашему международному положению вообще». Никто не сомневался в том, что это делается по команде из Москвы.

Политбюро обсудило послание Чичерина и приняло решение обратить «внимание коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы на то, что им необходимо сообразовать свою политику с особенностями международного положения РСФСР... ЦК просит коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы проявлять наибольшую осмотрительность как во внешней, так и во внутренней политике, приняв во внимание указание ЦК РКП о том, что в настоящий момент не может быть и речи о военной помощи им со стороны РСФСР».

Интересы мировой революции входили в противоречие с интересами Российского государства. Уже в феврале 1918 года на заседании ЦК, наверное, в первый раз прозвучала эта формула: в мировой политике «государство принуждено делать то, чего не сделала бы партия». Но неужели сиюминутные интересы государства должны поставить крест на великой цели мировой революции? Вот вопрос, которым тогда задавались многие.

В октябре 1922 года после переговоров в далеком Китае с письмом Адольф Иоффе обратился к Ленину: «Одно из двух: либо наша мировая политика по-прежнему сводится к борьбе против мирового империализма за мировую революцию, либо нет. Если нет, то я, значит, нашей нынешней мировой политики не знаю и не понимаю и, следовательно, не могу проводить ее в жизнь».

Именно в это время кандидат в члены политбюро и главный редактор «Правды» Николай Бухарин декларировал на IV конгрессе Коминтерна:

– Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию, распространение Красной армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции.

Недоуменные вопросы обращались к Ленину, поскольку он, провозгласив лозунг всемирной пролетарской революции, сам призывал к созданию Советской республики. Это же Владимир Ильич сказал: «Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы незамедлительно схватим его за шиворот».

Георгий Чичерин, как старый социал-демократ, не был противником мировой революции, но для него ведомственные интересы оказались важнее. Нарком, скажем, нисколько не возражал против помощи оружием и деньгами турецким повстанцам, которые сражались против законного правительства. Недовольства со стороны турецкого правительства он в данном случае не боялся. Но Чичерину приходилось постоянно успокаивать высших руководителей, у которых периодически возникало желание погрозить Западу кулаком. За этим стояла не покидавшая их уверенность в том, что они со всех сторон окружены врагами и договариваться о чем-то можно только с позиции силы.

В июле 1921 года Ленин вдруг предложил демонстративно отправить одного из самых заметных военачальников – Михаила Тухачевского – в Минск, поближе к западным границам, а заодно опубликовать интервью или Ленина, или Троцкого с грозным предупреждением: «Сунься – вздуем!»

Чичерин тут же ответил Ленину, что грозить никому не надо: «Один из лейтмотивов наших врагов – якобы в порыве отчаяния для своего спасения Советское правительство бро-

сится на своих соседей. Наши враги распространяют легенды то о всеобщей мобилизации у нас, то о таинственных приготовлениях Троцкого. Грозные интервью и демонстративные поездки нисколько не внушат убеждения в нашей силе, но дадут богатейший материал для провокационной работы наших врагов...»

В годы Гражданской войны и после нее Чичерин призывал политбюро к осторожности, предостерегал от опасных авантур. Он считал, что действовать силой, осуществлять территориальные приобретения надо только в тех случаях, когда твердо рассчитываешь на успех и когда такая сила есть. А коли нет, то лезть на рожон и пускаться в авантюры – непростительная глупость.

Чичеринская умеренная политика принесла первые плоды. Победа в Гражданской войне показала, что советское правительство твердо контролирует всю территорию России. Противники большевиков бежали и превратились в эмигрантов. При всей симпатии к ним западные правительства больше не могли игнорировать реальность – Россия слишком большая страна, чтобы вовсе не поддерживать с ней отношения. В марте 1921 года Советскую Россию де-факто признала Англия. За Англией последовали некоторые другие европейские страны. Но это были лишь первые ласточки. Основная же часть мирового сообщества по-прежнему не желала иметь дело с коммунистическим правительством, поэтому советская дипломатия искала друзей в самых глухих уголках земли.

В феврале 1922 года Чичерин обратился в политбюро с просьбой выделить двадцать тысяч рублей золотом на вторую Тибетскую экспедицию. Участники первой экспедиции привезли в подарок далай-ламе в Лхасу радиостанцию. Но не нашлось в тот момент в наркомате людей, которые бы знали тибетский язык и могли остаться в Лхасе. Теперь таких специалистов нашли, обучили их телеграфному делу, чтобы установить прямую связь с далай-ламой.

«Эти связи имеют, во-первых, значение политическое, так как дружественные отношения с Лхасой имеют громадное значение для всего буддийского мира, – писал Чичерин. – Но эти связи имеют и экономическое значение, так как дадут нам возможность впервые установить товарообмен с Тибетом... Нашу роль торговых посредников между буддийскими народами Азии и Европой мы не выполним как следует без дружественных связей с Лхасой...»

Чичерин установил также дипломатические отношения с Афганистаном, Турцией, Китаем, Ираном, Саудовской Аравией.

«НАМ ВЫГОДНО СОРВАТЬ КОНФЕРЕНЦИЮ»

Звездный час Чичерина наступил весной 1922 года, когда в Италии собралась мировая политическая элита, чтобы определить будущее послевоенной Европы. Распад Австро-Венгерской, Османской и Российской империй привел к возникновению множества новых государств – обрели самостоятельность Финляндия, Польша, Чехословакия, Прибалтийские республики, королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия)... Новые страны испытывали огромные политические и экономические трудности и нуждались в помощи.

6 января 1922 года Верховный совет Антанты (в нее входили Бельгия, Великобритания, Италия, Франция и Япония) по предложению британца Дэвида Ллойд Джорджа приняли решение созвать в Генуе конференцию, посвященную восстановлению Центральной и Восточной Европы. На конференцию пригласили делегации поверженной Германии и отвергнутой России. Возглавить делегации предлагалось главам правительств.

На следующий же день, 7 января, полпред в Англии Леонид Борисович Красин отправил Чичерину шифротелеграмму: «Приезд Ленина в Италию считаю недопустимым ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов. Более приемлемым был бы Лондон. Тут можно обставить надежно как приезд, например, в сопровождении Красина, так и проживание. Если не поедет Ленин, предлагать ли приезд Троцкого? Италия, конечно, тоже исключается».

В Москве приглашение на конференцию приняли. Нельзя было отказываться от первого выхода советской дипломатии на мировую арену. Но отправлять за границу Ленина боялись – думали, что белая эмиграция, тот же Борис Савинков и его эсеровские боевики, не упустит случая разделиться с вождем революции. Не меньшей опасности подвергнулся и второй человек в стране – Лев Троцкий.

12 января Ленин продиктовал записку для секретаря ЦК Вячеслава Михайловича Молотова, отвечавшего за подготовку документов к заседаниям Политбюро: «О поездке тт. Ленина, Троцкого в Италию (по телеграмме тов. Красина). Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева».

27 января ВЦИК утвердил состав советской делегации на Генуэзскую конференцию во главе с Лениным. Но это была чистая формальность. ЦК сразу же предложил Ленину передать полномочия председателя делегации своему заместителю Чичерину. Ленин, как дисциплинированный коммунист, подчинился решению Центрального комитета. Георгий Васильевич воспринял свою задачу всерьез и считал, что конференция – это шанс, который надо использовать. Важнее всего получить на Западе заем, который позволит поднять разрушенное хозяйство страны. Ради этого, считал нарком, стоит пойти на какие-то политические уступки.

Западные дипломаты говорили, что советское законодательство дискриминационное: представители бывших правящих классов даже лишены права голосовать на выборах, а это недопустимо. Чичерин предложил за приличную компенсацию внести в конституцию поправку – разрешить представительство «нетрудовых элементов» в Советах. Наивный Чичерин и через пять лет после революции так ничего и не понял...

Взбешенный Ленин на полях его письма написал: «Сумасшествие!» И предложил секретарю ЦК Молотову «немедленно отправить его в санаторий. Письма Чичерина показывают, что он болен, и сильно. Мы будем дураками, если тотчас же и насильно не сошлем его в санаторий».

В отличие от своих наследников Владимир Ильич не додумался до использования психиатрических диагнозов в борьбе с инакомыслящими, и он вовсе не хотел лишаться наркома, который ему в принципе нравился. Поэтому Чичерин продолжал работать, но его идеи были отвергнуты. Восстановление экономики Ленина интересовало меньше, чем построение придуманного им социалистического государства.

Революция национализировала имущество не только российских, но и иностранных владельцев собственности. Это был крайне болезненный удар для многих европейцев, убежденных в том, что государство не имеет права лишать человека его имущества. Чичерин предложил удовлетворить претензии иностранцев. Тут идеология страдала в меньшей степени. Ленин поддержал было эту идею, но буквально на следующий день передумал.

В отличие от своего наркома он совершенно не был заинтересован в успехе Генуэзской конференции. Он искренне желал ей провала. 10 февраля 1922 года Ленин написал Чичерину письмо, которое при советской власти никогда не публиковали: «Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы, конечно. Обдумайте это с Литвиновым и Иоффе и черкните мне. Конечно, писать этого нельзя даже в секретных бумагах. Верните мне сие, я сожгу. Заем мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы. Надо придумать маневры половчее, чтобы Геную сорвали не мы. Например, дура Гендерсон и компания очень помогут нам, если мы умненько подтолкнем...»

Артур Гендерсон был в те годы лидером британской Лейбористской партии. Со временем он станет министром иностранных дел и поспособствует сближению Лондона и Москвы.

Нарком Чичерин решительно не согласился с Лениным и в тот же день ответил:

«Я не хозяйственник. Но все хозяйственники говорят, что нам до зарезу, ультранастоятельно нужна помощь Запада, заем, концессии, экономическое соглашение. Я должен им верить. А если это так, нужно не расплеваться, а договориться...»

Вы, несомненно, ошибаетесь, если думаете, что получим заем без Генуи, если расплюемся с Англией. Заем дают не правительства с их дефинатами, а капиталисты, деловые круги. Теперь они видят в нас наилучшее возможное в данных условиях в России правительство. Но если мы будем в Генуе бить стекла, они шарахнутся прочь от нас».

Переубедить Ленина наркомом так и не удалось.

Российская делегация получила указание отвергнуть все требования западных держав. Но, напутствуя дипломатов, Ленин говорил о том, что при этом не следует пугать западные державы откровенными высказываниями относительно подлинных целей Советского государства. Никаких разговоров о «неизбежных кровавых социалистических революциях». Лексика должна быть исключительно миролюбивой. Владимир Ильич не был вполне уверен в своем наркOME. Поэтому Ленин беспокоился, будет ли у него возможность следить за происходящим на конференции, чтобы вовремя подкорректировать Чичерина.

16 января 1922 года Ленин озабоченно писал Троцкому:

«Телеграфная связь Москвы с Генуей на время переговоров архиважна. Надо этот вопрос поставить и решить быстро.

1) Будет ли у нас к 8 марта телефонная станция в Москве, хватающая до Генуи? Обещали, кажись. Проверить.

2) Приемник у нашей делегации в Генуе?

3) А как будет говорить Генуя с нами? Нельзя ли наше военное судно подвести к Генуе со станцией, хватающей до Москвы?

Если нельзя или дорого, надо тотчас особой нотой условиться детально о проводах для нас (ежели очень дорого, то особый провод до ближайшей немецкой станции, а оттуда по договору с немцами, коих мы будем защищать в Генуе?).

Подумайте об этом и поставьте в политбюро поскорее».

«ОНИ РАЗВАЛИВАЮТСЯ, МЫ КРЕПНЕМ»

Конференция проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 года. Участвовали двадцать девять государств. В Геную отбыла большая советская делегация – шестьдесят три человека, они разместились в двух вагонах.

Как и следовало ожидать, Европа потребовала от России признания долгов, сделанных царским правительством и Временным правительством, а также возвращения иностранным владельцам национализированной собственности. В общем, это были элементарные условия возобновления торгово-экономических отношений и предоставления новых кредитов. Европа не требовала вернуть все долги сразу, но она говорила: признайте хотя бы, что вы все-таки взяли у нас деньги. Понятно и требование компенсации тем иностранцам, которых лишили в России собственности: как может любое европейское правительство предоставлять новые займы стране, которая ограбила его граждан?

Считать хотя бы часть требований справедливыми и признать долги царской России предложил Леонид Борисович Красин, остроумный и талантливый человек. Он пользовался в Москве немалым уважением, потому что в свое время сыграл важнейшую роль в финансировании партии большевиков. Это он, в частности, убедил миллионера Савву Морозова и мебельного фабриканта Николая Шмидта передать большевикам огромные по тем временам средства. Борьба за эти деньги оказалась долгой и аморальной, с использованием фиктивных браков, но увенчалась успехом.

Красин же занимался и нелегальной закупкой оружия для большевистских боевых отрядов. Царская полиция его арестовала. Он сидел в Таганской тюрьме, где сумел выучить немецкий язык, прочитал в оригинале всего Шиллера и Гете. После ссылки он отошел от революционных дел, окончил Харьковский технологический институт, четыре года строил в Баку

электростанции, а потом и вовсе уехал в Германию, где успешно работал по инженерной части в фирме Сименса и Шуккерта в Берлине. Немцы его высоко ценили.

Красин был одним из немногих большевиков, которые понимали, что такое современная экономика и торговля. Поэтому Ленин привлек Красина к государственной работе – Леонид Борисович некоторое время возглавлял Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии и Наркомат путей сообщения, в 1918 году стал наркомом внешней торговли.

Он принимал участие в брест-литовских переговорах с немцами. Вместе с Литвиновыми вел первые дипломатические переговоры с Эстонией в сентябре 1919 года. Красин сформировал делегацию, которая несколько позже, уже под руководством Адольфа Иоффе, подписала с Эстонией Юрьевский мир. Усилиями Красина Великобритания – первой из крупных держав – в марте 1921 года де-факто признала советскую власть.

Так вот Красин, зная настроения западных держав, предложил Ленину не отказываться от долгов царского правительства – причем об их возвращении пока не было и речи. В ответ, убеждал Красин своих товарищей, европейские державы, во-первых, признают Советскую Россию и, во-вторых, дадут столь необходимые ей кредиты. Сделка очевидно выгодна России. Ленин категорически не соглашался с такой позицией. Он писал Чичерину: «Не берите на себя при закрытии Генуэзской конференции ни тени финансовых обязательств, никакого даже полупризнания долгов и не бойтесь вообще разрыва. Особое мнение тов. Красина показывает, что его линия абсолютно неверна и недопустима».

Годом раньше, 6–8 октября 1921 года, в Брюсселе заседала международная конференция на тему об оказании помощи голодающим. Конференция рекомендовала давать кредиты при условии «признания русским правительством существующих долгов». Речь шла о возвращении займов, полученных до 1914 года.

29 октября 1921 года в «Известиях» под заголовком «Декларация о признании долгов» появилось заявление наркома Чичерина (накануне оно было передано правительствам великих держав): «Российское правительство... заявляет, что предложение признать на известных условиях старые долги идет в настоящее время навстречу его собственным намерениям... Советская республика может принять на себя эти обязательства лишь в том случае, если великие державы заключат с ней окончательный всеобщий мир и если ее правительство будет признано другими державами».

Предварительные жесткие условия сводили возможность договориться на нет.

Теперь на переговорах с британским министром Ллойд Джорджем Георгий Чичерин фактически все же вышел за рамки данных ему в Москве директив. Нарком предлагал какие-то возможности компенсировать потери иностранных владельцев собственности в России. Он был готов и на более значительные, но этого ему не позволили. Чичерин получил из Москвы шифровку за подписью членов политбюро, в которой возможность каких-либо уступок отвергалась напрочь.

Российская делегация выдвинула на конференции заведомо неприемлемую программу: западные державы должны признать советскую власть де-юре, отказаться от требования возврата военных долгов (Антанта давала России деньги на борьбу с общим врагом Германией) и выделить России большой кредит. Что касается бывшей собственности иностранных граждан, то они могут использовать ее на основе аренды или концессий. Эти условия западные державы отвергли. Возможность радикально улучшить отношения с внешним миром и получить кредиты на восстановление экономики не реализовалась. Шанс был упущен. Советская печать с гневом сообщала, что проклятые империалисты выставили большевикам заведомо неприемлемые условия, потребовали отказаться от всех завоеваний социализма, поскольку задались целью удушить государство рабочих и крестьян.

Чичерин, разумеется, выполнил указание политбюро, но считал его ошибкой. Уже после Генуи Георгий Васильевич писал Ленину:

«В агитационных целях мы все, и я тоже, говорим, что от нас требовали в Генуе восстановления частной собственности. Сами мы знаем, что это не так: достаточно было напечатать бонны якобы с уплатой через 15 лет, с тем чтобы никогда их не уплатить. Это повело бы к соглашению с правительствами. Кредиты – не из казны, а из кошельков частных лиц; после соглашений с правительствами, после создания доверия могут начать открываться кошельки в достаточно большом числе.

Чем же невыгодно было напечатать бонны, по которым не платили бы, а соглашение имели бы? До сих пор не знаю Вашу действительную мысль... Незнание нашей основной мысли мне во всем мешает».

Ленин ответил наивному наркому в тот же день: «Общая мысль у меня: они разваливаются, мы крепнем. Если удастся, надо постараться дать шиши. Рук себе не связывать».

Чичерин, получив записку, в одиннадцать вечера вновь садится писать Ленину. Он твердо стоит на своем. В те времена еще можно было спорить с главой партии и государства: «Если «они» разваливаются, то аргумент против Вас, ибо через 15 лет мы будем настолько крепки, а «они» настолько развалены, что никто и не подумает принуждать нас к оплате. Бонны имеют тот смысл, что спор переносится через 15 лет, когда соотношение сил будет иное. Я, впрочем, не сказал бы, что «они» разваливаются... Кризис идет на убыль».

Привычка делать громкие заявления, а потом о них забывать родилась в советской внешней политике именно тогда. Поэтому к пышным советским декларациям стали относиться скептически. Вот что писал Ленину находившийся в Токио Адольф Иоффе: «Неуверенный, колеблющийся характер нашей дипломатии принес нам много вреда, который оказывает свое влияние и до сих пор. Во время японских переговоров вся мировая пресса напоминала, как в Генуе мы сначала делали заявления, а потом брали их назад, и предупреждала, что, несмотря на категоричность моих заявлений, их не следует принимать всерьез, как окончательные».

Тем не менее некий шаг навстречу миру Советская Россия сделала. Выступая в Генуе 10 апреля 1922 года, Чичерин говорил о возможности сосуществования и экономического сотрудничества государств с различным общественным строем. Слова Чичерина следовало понимать так, что Советская Россия отказывается от экспорта революции и намерена устанавливать нормальные отношения со всем миром. Бывший Государственный секретарь Соединенных Штатов Генри Киссинджер, автор классического труда об истории международных отношений, считает, что эта речь знаменовала возвращение России к традиционной дипломатии. Несмотря на революционную риторику, в конечном счете целью советской политики стал национальный интерес. Советский Союз пошел на прагматический компромисс между надеждой на мировую революцию и потребностями реальной политики.

Впрочем, надежда натравить одну капиталистическую страну на другую и таким образом что-то для себя выиграть осталась для советского руководства желанной целью. На X съезде партии Сталин отчитал Чичерина за недооценку межкапиталистических противоречий:

– Смысл существования Наркоминдела в том и состоит, чтобы все эти противоречия учесть, на них базироваться, лавировать в рамках их противоречий. Поразительнейшим образом товарищ Чичерин недооценил этого момента...

Впрочем, эти слова могли быть всего лишь ответом на смелость Чичерина, который накануне съезда позволил себе критически разобрать тезисы Сталина по национальному вопросу. Большая статья Чичерина, которая так и называлась – «Против тезисов Сталина», печаталась с продолжением в трех номерах «Правды».

Иосиф Виссарионович, считавший себя непревзойденным специалистом по национальным проблемам, на съезде ответил Чичерину достаточно пренебрежительно:

– Я считаю, что из статей Чичерина, которые я внимательно читал, ничего, кроме литературы, не получилось... Он переоценил момент объединения империалистических верхов и недооценил те противоречия, которые внутри этого треста имеются. А между тем на них бази-

руется деятельность Народного комиссариата иностранных дел... Написать статьи, конечно, легко, но для того, чтобы озаглавить их «Против тезисов тов. Сталина», надо выставить что-нибудь серьезное.

«УЧИТЬСЯ У НЕМЦЕВ!»

Чичерин был идеальной фигурой для участия в дипломатии высокого уровня. Он ничем не уступал своим западным коллегам. В Генуе советский нарком изумил всех той легкостью, с которой он разговаривал на разных языках, и готовностью запросто беседовать с журналистами. Это было золотое время советской дипломатии, когда она жаждала гласности, а не боялась ее. С Генуей связан личный дипломатический успех Чичерина.

С санкции Ленина в небольшом соседнем городке Рапалло Георгий Васильевич подписал сенсационный договор с Германией о взаимном признании и восстановлении дипломатических отношений. В Рапалло обе страны согласились строить отношения как бы с чистого листа и решили все спорные вопросы самым радикальным образом: они просто отказались от взаимных претензий.

Потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия стала единственной страной, которая захотела сотрудничать с Советской Россией. Если бы в Гражданской войне победили белые, Россия заняла бы место держав-победительниц. Советская Россия не предъявила Германии никаких требований и не участвовала во взимании огромной контрибуции, которая подрывала и без того слабую немецкую экономику.

Веймарская Германия и Советская Россия были париями Европы. Россия и Германия, хотя и находились по разные стороны фронта, фактически проиграли Первую мировую войну, и это привело к их сближению. Рапалло стал для них неизбежным. Недалековидные руководители Англии и Франции не должны были загонять в угол две крупнейшие континентальные державы.

В двадцатых годах внешнюю политику Москвы определяла неуверенность в собственных силах. Боязнь, что новая война может привести к свержению режима (царизм пал в результате Первой мировой), подталкивала руководство страны к нормализации отношений с соседями. Чичерин руководствовался старым принципом поддержания баланса сил, стараясь не допустить чьего-то усиления. Чичерин выразился так: «Поддержать слабейшего». Отсюда близкие отношения с Германией. Сталин тоже смертельно боялся коалиций, которые могли быть направлены против СССР.

Так возникла политика импровизаций. Христиан Георгиевич Раковский, который служил полпредом и в Англии, и во Франции, выступая на пленуме ЦК, говорил:

– Наша иностранная политика не определяется установленной заранее начертанной программой, учитывающей не только что есть сегодня, но и завтра, быть может. Она определяется эмпирически изо дня в день под влиянием тех или иных событий. И наркоминдел, и полпреды не имеют плана.

Когда было подписано советско-германское соглашение, западные державы сначала не хотели в это верить. Сближение Москвы и Берлина меняло политическую карту Старого Света. Рапалло очень помогло Германии: у демократических держав сдали нервы. Еще недавно настроенные очень жестко в отношении Германии, они вынуждены были менять свою политику и идти навстречу требованиям немцев. Любопытно, что Москва продолжала помогать немецким коммунистам, все еще рассчитывая, что мировая революция продолжится в Германии. И одновременно Москва тесно сотрудничала с правительством Германии и с рейхсвером, которые сокрушали коммунистов.

Советско-германские отношения тогда развивались по восходящей. 24 апреля 1926 года в Берлине советский посол Николай Николаевич Крестинский и немецкий министр иностран-

ных дел Густав Штресеман подписали договор о ненападении и нейтралитете. Обе страны согласились оставаться нейтральными, если на другую нападут, и договорились не участвовать в союзах, направленных против другой страны. Таким образом, Германия и Россия отказывались от участия в системах коллективной безопасности. Этот договор был разработан Чичериным.

У самого Ленина тоже имелись прогерманские настроения, но, скорее, не политического свойства. 20 февраля 1922 года он писал своему заместителю в правительстве Льву Каменеву: «По-моему, надо не только проповедовать: «Учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!», но и брать у учителей немцев. Иначе – одни слова».

Чичерин сам занимался отношениями с Германией, считая эту страну не только ближайшим партнером России, но и важнейшим государством Европы. Он часто ездил в Берлин и страдал, когда другие ведомства вмешивались в международные дела, подрывая его усилия. В 1927 году Чичерин писал из Германии Сталину, как секретарю ЦК, и Алексею Ивановичу Рыкову, как главе правительства: «В ущерб отношениям с Германией был допущен ряд нелепых инцидентов, срывающих эти отношения. Теперь, когда ради существования СССР надо укреплять положение прежде всего в Берлине, некоторые товарищи ничего лучшего не придумали, как срывать всю нашу работу выпадами против Германии, порочащими ее окончательно. Я еду в Москву, чтобы просить об освобождении меня от должности наркоминдела».

Бывший полпред в Германии Крестинский напутствовал своего сменщика Льва Михайловича Хинчука: «Мы не продумывали, может быть, до конца вопроса о нашем отношении к попыткам немцев вооруженной рукой исправить версальские границы, но мы всегда осторожно держались во всех тех случаях, когда немецкая сторона заговаривала о совместной вооруженной борьбе, скажем, против поляков. Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные. Таким образом, мы не разбивали надежды немцев на то, что в случае их столкновения с Польшей они встретят с нашей стороны ту или иную поддержку, но никаких положительных заявлений с нашей стороны никогда не было...»

В основе союза с Германией лежала нелюбовь к либеральным западным демократиям Англии и Франции и общая враждебность к Польше, что даст о себе знать осенью 1939 года, когда Сталин легко пойдет на сближение с Гитлером. В конце двадцатых годов политбюро записало в своем решении: «Военная опасность угрожает главным образом со стороны Польши».

НЕМЕЦКОЕ ОРУЖИЕ СОЗДАВАЛОСЬ В РОССИИ

Рапалло открыл и возможность тайного военного сотрудничества с Германией. Занимался этим Красин, полагая, что ограничения Версальского мира заставят германскую армию искать обходных путей для развития военной техники и они будут платить России, если она поможет рейхсверу и позволит на своей территории создавать новые образцы боевой техники.

Леонид Красин был полпредом в Англии, затем во Франции и опять в Англии – уже до самой смерти от рака крови (ровесник Ленина, он пережил его всего на два года). Чтобы сделать Красину приятное, за ним сохраняли должность наркома внешней торговли. Хотя непонятно, как можно руководить целой отраслью из Парижа или Лондона. Впрочем, среди большевиков в торговых делах он понимал лучше всех.

Красин писал Чичерину о работе советского правительства: «Эти ребята, как-никак, держат власть в своих руках уже три с половиной года, за последние же месяцы проявляют решительное стремление поумнеть, умыться и причесаться... При дальнейшем развитии взятой сейчас линии нашей политики внутри страны и при условии отказа от старых, не соответствующих уже более ни нашему положению, ни нашей экономической политике приемов ВЧК и НКВД (запрещение въездов, драчливые ноты, неосновательные аресты спецов, противоречащие договорам конфискации и реквизиции и т. п.), а также при условии пересмотра нашей позиции

в вопросе о государственном долге (разумеется, без принятия на себя каких-либо реальных обязательств на ближайшие годы) мы вполне можем рассчитывать на получение значительной материальной поддержки от мирового капитала на экономическое развитие».

Красин считал, что восстановление экономики страны возможно только путем получения значительного внешнего займа. В январе 1922 года он добился получения краткосрочного займа в двести миллионов золотых марок от немецкого банка «Эльбфельд» на покупку в Германии машин и локомотивов.

На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года Красин внушал товарищам по партии:

– Главная цель нашей внешней политики есть получение кредитов, которые нам нужны для восстановления крестьянского хозяйства, для транспорта, для промышленности и для стабилизации нашего рубля.

Одновременно Красин поставил вопрос о развитии экспортных отраслей (целлюлозная и бумажная промышленность, производство марганца, добыча нефти, производство спичек, маслоделие, льноводство, зерно) для получения валюты, необходимой для того, чтобы расплатиться по долгам.

Красину даже руководители внешней политики Чичерин и Литвинов казались недостаточно гибкими. Он писал своему заместителю Андрею Матвеевичу Лежаве: «Наркоминдел, по-видимому, решил тормозить всеми возможными способами завязываемые сношения с Америкой: на днях мы просили разрешить въезд сенатору Франсу, бывшему в течение последних лет в Америке наиболее горячим защитником соглашения с советским правительством. НКИД отклонил разрешение этого въезда... Политика НКИД есть политика всеобщего запора, и никакой торговли на этой базе у нас не выйдет... Чичерин и Литвинов не понимают, что восстановление сношений с такой страной, как Америка, не может произойти ранее, чем к нам присмотрятся после присылки десятков согладатаев, официальных и неофициальных... Наркомат внешней торговли в первую очередь должен бороться с этой губительной для Республики политикой НКИД».

Но Красин был неизлечимо болен и 24 ноября 1926 года умер в Лондоне. С его смертью из советского правительства ушел один из немногих здравомыслящих и понимающих мир людей.

Инициатором военного сотрудничества с германской стороны стал главкомандующий рейхсвером генерал Ханс фон Сект. В 1921 году в военном министерстве Германии была создана специальная группа, которая занималась Россией. Ее представителей включили в штат немецкого посольства в Москве.

В 1922 году было подписано соглашение с авиастроительной компанией «Юнкерс» о производстве на заводе под Москвой, в Филях, самолетов и авиамоторов. С помощью немецких фирм в России производились самолеты, танковые моторы, стрелковое оружие, артиллерийские снаряды, боевые отравляющие вещества, на которые в те годы военные возлагали особые надежды. Под Самарой построили завод по производству химического оружия. Это место называлось Иващенко, потом его переименовали в Троцк, а в 1929-м – в Чапаевск.

Американский профессор Сэмюэль Харпер, который в мае 1930 года приехал в Москву, обратил внимание на то, что многочисленные торговые атташе в немецком посольстве имеют явно военную выправку. На улицах Москвы он постоянно сталкивался с немцами, которые неуютно чувствовали себя без привычного мундира. А за городом он случайно набрел на учебный аэродром и заметил немцев, одетых в форму командиров Красной армии. Профессор предпочел немедленно удалиться...

Большой штат хорошо подготовленных работников отличал немецкое посольство от английского и французского. Некоторые работники германского посольства происходили из русско-немецких семей. Они являлись сыновьями немецких торговцев и промышленников, которые приехали работать в России и здесь женились.

Сотрудничество с немцами было выгодным для Красной армии. Военно-политическая доктрина, утвержденная политбюро летом 1929 года, исходила из того, что все западные соседи СССР – это вероятные противники. Нужно иметь с ними паритет по численности вооруженных сил и превосходство в авиации, танках и артиллерии.

Но ведомство госбезопасности крайне настороженно относилось к экономическому сотрудничеству с Германией. Чекисты считали иностранных инвесторов и работавших в России иностранных специалистов шпионами.

Чичерина раздражало особое внимание чекистов к немецким партнерам. Летом 1922 года он делился со своим заместителем Львом Караханом: «Тут мы наглупили больше, чем в чем-либо другом. Идиотское вмешательство Уншлихта (заместитель председателя ГПУ. – Л. М.) грозит уничтожением одному из главнейших факторов нашей внешней политики».

Дзержинскому все виделось в ином свете. Своему заместителю Генриху Григорьевичу Ягоде и начальнику Иностранного отдела ОГПУ Михаилу Абрамовичу Трилиссеру он дал такое указание: «У меня сложилось впечатление, что вообще германское правительство и монархические и националистические круги ведут работу на низвержение большевизма в СССР и ориентируются на будущую монархическую Россию... Случайно ли, что концессия «Юнкерса» фактически ничего почти делового нам не дала? Верно ли, что в этом только мы сами виноваты? Что из себя политически представляет фирма «Юнкерс» и ее аппарат?»

Начальник контрразведки Артур Христианович Артузов доложил Дзержинскому, что работающие в России немцы чуть ли не поголовно шпионы, и предложил все эти концессии ликвидировать. Точка зрения чекистов возобладала. Чичерину оставалось только возмущаться и жаловаться. Иностранцев владельцев просто выставляли, все их имущество переходило в полную собственность Советского государства. На тех же станках и по тем же чертежам выпускали ту же продукцию, которая считалась полностью отечественной.

В конце двадцатых появилась другая форма советско-германского военного сотрудничества. На территории России офицеры рейхсвера овладевали новой техникой: под Липецком появилась летная школа, под Казанью – танковая. Немцы прислали двенадцать танков и организовали учебу. Работу курсов инспектировал фанатик бронетанковых войск генерал Хайнц Гудериан, который был поражен бесхозяйственностью в Советском Союзе и открыто говорил об этом. На нескольких полигонах немцы учились применять химическое оружие.

Летом 1925 года немецких наблюдателей впервые пригласили на маневры Красной армии. Эта практика прижилась. В 1925-м и в 1932-м на немецких маневрах побывал будущий маршал Михаил Тухачевский, большой сторонник сближения с Германией. Контакты с немецкими офицерами, санкционированные политбюро, ему дорого обойдутся...

«ПОДВЕСТИ ПОД РАССТРЕЛ ЧЕКИСТСКУЮ СВОЛОЧЬ»

Здание Наркомата иностранных дел на Кузнецком мосту находилось рядом с ведомством госбезопасности. Дипломаты именовали чекистов «соседями». Это укоренилось. И по сей день и в центральном аппарате МИД, и в любом российском посольстве разведчиков называют соседями. Но отношения между ними никогда не были соседскими.

С этим ведомством Чичерин находился в состоянии постоянного конфликта. Иногда ему удавалось договариваться с чекистами. 22 июня 1922 года политбюро утвердило соглашение между Наркоматом иностранных дел и ГПУ:

«1. ГПУ не принимает никаких репрессивных мер по отношению к членам иностранных миссий, пользующихся иммунитетом без предварительного соглашения с одним из членов коллегии НКВД. Постановление распространяется не только на аресты, но также на обыски, посещения агентами ГПУ квартир, задержание на улице или где бы то ни было.

2. В отношении других сотрудников иностранных миссий, не пользующихся формально дипломатическим иммунитетом, ГПУ не принимает репрессивных мер, указанных в пункте 1, иначе как с ведома одного из членов коллегии НКВД».

На следующий год ГПУ переименовали в ОГПУ, статус ведомства повысился, а постановление политбюро не исполнялось, чекисты арестовывали иностранцев, не ставя в известность дипломатов. 10 декабря 1925 года политбюро вновь вернулось к этому вопросу:

«а) Признать необходимым оставить в силе старый порядок, предусматривающий согласование ОГПУ с НКВД вопросов, касающихся арестов иностранцев.

б) Обязать НКВД давать ответы ОГПУ по указанным вопросам не позднее чем в 24-часовой срок.

в) Обязать ОГПУ предоставлять НКВД все необходимые материалы, сообщая их персонально Наркому или его заместителю, с полной гарантией сохранения их конспиративности».

Пока было кому жаловаться, Чичерин писал возмущенные письма. 23 октября 1923 года он обратился к Ленину:

«Многоуважаемый Владимир Ильич! Поддержка хороших отношений с Турцией положительно невозможна, пока продолжают нынешние действия особых отделов и вообще чекистов на Черноморском побережье. С Америкой, Германией и Персией уже возник из-за этого ряд конфликтов... Третьего августа в Армавире агенты ВЧК арестовали дипломатического курьера турецкого посольства Феридун-бея и вскрыли печати его дипломатических вализ, причем обращались с ним самым недопустимым образом. Еще худшему обращению подвергся ранее там же сотрудник турецкого посольства Иззет-Измет. Я официально писал об этом в ВЧК, много раз говорил об этом с тов. Давтяном, но до сих пор не получено никакого ответа. Тамошние органы ЧК, по-видимому, не обращают никакого внимания на Центр и даже не удостоивают его ответом. ВЧК даже не известила меня о дальнейшем ходе этого дела.

С Германией уже был у нас крупный скандал вследствие обыска, произведенного насильственным образом Новороссийским особым отделом в море на германском судне, с которого наши чекисты вопреки протесту немцев сняли некоторых пассажиров. Правительству пришлось извиняться перед Германией, к чему тамошние чекисты совершенно равнодушны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.